

АЛЕКСАНДР ЩИПКОВ

НЕЗАВЕРШЁННЫЙ НАЦИЗМ

■

ГЕНЕЗИС,
ТРАНСФОРМАЦИИ
И РОДСТВЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ

АЛЕКСАНДР ЩИПКОВ

НЕЗАВЕРШЁННЫЙ НАЦИЗМ

ГЕНЕЗИС,
ТРАНСФОРМАЦИИ
И РОДСТВЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ

РОССИЙСКИЙ

ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА

МОСКВА * 2024

УДК 324.12/.14-027.21

ББК 66.094

Щ86

Рекомендовано к печати Учёным советом Российского православного
университета святого Иоанна Богослова

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

М.А. Маслин

*доктор философских наук, зав. кафедрой истории русской
философии МГУ им. М.В. Ломоносова*

Е.Н. Моцелков

*доктор политических наук, зав. кафедрой философии политики
и права МГУ им. М.В. Ломоносова*

Щипков А. В.

Щ86 Незавершённый нацизм. Генезис, трансформации и родственные явления : монография / А. В. Щипков. – М. : РПУ св. Иоанна Богослова, 2024. – 134 с.

В книге «Незавершённый нацизм» показано развитие нацизма и родственного ему расизма в исторической перспективе. А. В. Щипков сравнивает ранние колониалистские формы нацизма с классическим гитлеровским и современным атлантистским нацизмом. В качестве базовой автор рассматривает британскую модель явления, а в качестве факторов, влиявших на её формирование, – ряд аспектов «протестантской этики» и пуританской религиозности. Нацизм и расизм описаны не просто как политические идеологии, но как существенный элемент европейской культуры Нового времени, находящийся не в арьергарде, а в авангарде развития модернистского капиталистического общества, прикрытый «защитным поясом» либеральных идеологов. Автор подчёркивает, что нацизм, расизм и неолиберализм имеют общие аксиологические основания и построены на мифах превосходства и технократическом расчеловечивании человека, а их доминирование в глобальном идеологическом контексте закрывает многим народам перспективы независимого развития.

ISBN 978-5-6049786-3-4

УДК 324.12/.14-027.21

ББК 66.094

© Щипков А. В., 2024

© Патрушев Н. П., предисловие, 2024

© АНО ВО «Российский
православный университет
св. Иоанна Богослова», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Александра Владимировича Щипкова «Незавершённый нацизм» открывает очередной этап в обсуждении темы нацизма — пагубного античеловеческого явления, растаптывающего все моральные, духовные и нравственные устои.

Автор сравнивает нацизм XX и XXI веков, его гитлеровский вариант с современным неонацизмом, культивируемым Вашингтоном и Лондоном. Такое сопоставление актуально в наши дни, когда Запад вступил в новую фазу противостояния с Россией. Англосаксы бесцеремонно навязывают неонацистскую идеологию европейцам, стремясь достичь своей стратегической цели — расчленив нашу страну, уничтожить Русский мир и истребить народы, населяющие Россию. Идеи «чернорубашечников» и «коричневых» подхватываются творцами «цветных революций», которые навязывают ксенофобию для насильственного смещения легитимных правительств, создания хаоса в некогда стабильных регионах.

В книге рассматривается роль колониализма в становлении нацистско-расистской идеологии. Кроме того, описывается формирование навязываемой заокеанскими псевдочётными технократической доктрины, при которой прогресс якобы свободен от нравственных критериев.

Для оправдания глобального неравенства, сохранения однополярного мира атлантисты не пренебрегают идеями расового, этнического, культурного и экономического

превосходства, лишая целые народы перспектив независимого социально-экономического и культурно-цивилизационного развития.

Подогревая межнациональную рознь, возвращая и всецело поддерживая сторонников экстремизма, шовинизма и всех форм радикализма, Запад создаёт реальную угрозу демократическим и общечеловеческим ценностям, безопасности, социальной устойчивости и единству общества.

В основе подхода, продвигаемого Россией, лежит формирование нетерпимости к любым формам дискриминации, недопущение оправдания и реабилитации нацистских и фашистских злодеяний. Необходимо пресекать любые действия, направленные на распространение националистических идеологий. Глубокую обеспокоенность вызывают действия ряда недружественных государств, которые героизируют нацистское движение, объявляют отпетых преступников участниками национально-освободительных движений и фактически оправдывают геноцид.

Монография А. В. Щипкова подтверждает важность продолжения научных исследований, направленных на искоренение идей неонацизма, на развитие критического мышления, отвергающего любые попытки распространения антигуманных взглядов и манипулирования этническими мифами.

Н.П. Патрушев,
*Секретарь Совета Безопасности
Российской Федерации*

ПРОЛОГ

Сегодня разговор о нацизме приходится начинать вновь.

В последние годы нацизм показывает свои новые стороны, а мы наблюдаем его метаморфозы в реальном времени. Поэтому такой разговор неизбежен.

Нацистская идеология и её последствия — трагедия для огромного числа людей. Но историку и социальному исследователю кроме ужасов «коричневой чумы» достаётся и бесценный материал, который можно поместить под микроскоп научного метода. В конечном счёте такие исследования должны помочь нам разобраться в феномене нацизма как идеологической эпидемии нашего времени.

Если в 1970-е годы считалось, что нацизм ушёл в прошлое, а либерализм и коммунизм конкурентно развиваются, то сегодня ситуация ровно противоположная. Вполне очевидно, что само явление не было ликвидировано в 1945 году при капитуляции нацистской Германии. Оно не исчезло в результате Нюрнбергского процесса. И уж тем более несерьёзны ссылки на постановочную немецкую «денацификацию», ставшую одним из расхожих европейских мифов, внедрённых в сознание обывателя. Нацизм существует как непрерывное явление.

Между тем в настоящее время, когда осталось очень мало живых свидетелей войны 1941–45 годов, тема нацизма становится всё более и более мифологизированной. И это результат не только самопроизвольных aberrаций

коллективного сознания, но и целенаправленной дезориентации масс. Достаточно привести в пример негласную пиар-кампанию под слоганом «немцы не хотели воевать» в российском публичном пространстве (например, выступление «Коли с Уренгоя» в бундестаге в 2017 году) или ползучую германизацию в Калининграде.

Борьба с нацизмом военными средствами парадоксально сочетается с комфортным положением людей, поддерживающих нацизм, в самой России, не говоря уже о поддержке глобализма и неолиберализма, являющихся сегодня инструментами и концептуальным прикрытием нацизма. Пока существует эта постмодернистская двойственность, задачи денацификации не могут быть решены.

Важным условием успеха в противостоянии нацизму на информационном и концептуальном уровне является глубокая теоретическая проработка темы.

Вполне очевидно, что описание нацизма, его истоков, трансформаций и близких к нему явлений становится сегодня концептуальным ядром любого серьёзного подхода в области политологии и социальной философии. Без надёжной и действенной теории нацизма и родственных ему явлений любое направление в сфере социальных дисциплин уже не может считаться полным и обладать достаточной применимостью.

У нашей страны имеется уникальный исторический опыт прямого противостояния нацизму. Но необходимо с сожалением отметить, что целостной, до конца выстроенной, системной концепции нацизма и расизма в нашем распоряжении всё ещё нет — ей только предстоит появиться. В перспективе это будет интегральная концепция, учитывающая опыт нескольких поколений, включая и тех, кто противостоит нацизму сегодня.

Неизбежно обновление уже существующих в данной области знаний с учётом ряда событий постсоветской истории и особенностей информационно-цифрового общества, влияющих на распространение идеологий в массовом сознании.

В настоящее время исследование нацистской идеологии и родственных ей форм расизма — это взгляд из двадцать первого века. За несколько последних десятилетий перспектива коллективного восприятия явления изменилась, стала заметно более протяжённой в историческом отношении. В результате какие-то черты нацизма стали видны лучше, другие, наоборот, отходят на второй план, в некоторых вопросах обнаруживаются неточности, отдельные положения устарели.

Привычный подход к проблеме нацизма нуждается в определённой корректировке. Поэтому русскому обществу придётся переосмыслить и переоценить тот массив знаний о нём, который накопился в отечественной науке за весь советский и постсоветский периоды. Приглашением к такому общественному переосмыслению и является эта книга.

Глава 1. Общие положения

Чтобы сформулировать новый подход к проблеме нацизма и расизма, придётся дистанцироваться от некоторых устаревших суждений и понятий, связанных с XX веком и сегодня теряющих актуальность — таких, как, например, бинарная теория тоталитаризма или понимание нацизма как сугубо германского явления.

Многие стереотипы ещё не преодолены. Они подпитываются как остаточным влиянием советской идеологии, так и планомерным влиянием либеральных пропагандистов, навязывающих ложный подход к европейскому нацистско-расистскому наследию: либо оправдательный, либо реваншистский — в зависимости от ситуации и распределения политических ролей.

Нередко имеет место прямая подмена понятий, когда термины «нацизм» и «фашизм» стремятся распространить на различные явления, такие как «режим личной власти», «нарушение фундаментальных прав и свобод», — в той или иной мере негативные, но не имеющие никакого отношения к предмету разговора.

Стоит сразу наметить основные направления исследования. Оно коснётся исторического генезиса нацизма, его связи с колониализмом, с англо-американской гегемонией и неолиберальной макроэкономикой. Необходимо описать соотношение понятий «нацизм», «фашизм», «расизм», «колониализм», «тоталитаризм»; охарактеризовать современные формы нацизма, описать продолжающуюся вокруг него дискурсивную борьбу. Важное значение имеет вопрос о связи нацизма с либерализмом — последний, как показывает исторический опыт, создаёт внешний

идеологический «защитный пояс» нацистских доктрин. Необходим также и анализ религиозно-философских корней нацизма, его связи с протестантской этикой, пуританством, кальвинизмом, ницшеанством и радикальными просвещенческими тенденциями вроде мальтузианства и гоббсианства.

В рамках одной небольшой книги, разумеется, не удастся полностью охватить весь спектр заявленных проблем, но главная цель автора, который далёк от перфекционизма, состоит в том, чтобы инициировать процесс их серьёзного публичного обсуждения.

Теоретические аспекты изучения нацизма в рамках работы связаны с социальным и традиционалистским направлением мысли, изложенным в работе «Социал-традиция»¹.

Традиционалистский подход к проблеме мог бы позволить себе использовать некоторые наработки классической левой мысли XX века, но левая антинацистская традиция имеет свои слабые места, в том числе очевидную зависимость от либерального подхода. Идеология сегодняшних левых легко приводится к либеральному знаменателю. Так что обращение к этому комплексу идей требует их существенной корректировки.

Традиционалистская концепция должна включать в себя положения, позволяющие противостоять неолиберальному подходу, продиктованному американизмом и трансатлантизмом.

Либеральные интерпретации нацизма делают ставку на мимикрию этого явления и его фактическую реабилитацию в новых условиях и новых формах. Строго говоря, они

¹ Щипков А. В. Социал-традиция : монография / А. В. Щипков. М. : АСТПресс Книга, 2017. 320 с.

сами являются частью предмета своего описания. Поэтому адепты либерального подхода стремятся определять нацизм по косвенным и неспецифическим признакам — например, как «антидемократизм», «вождизм», «тоталитаризм», «политическое язычество» и т. п., — целенаправленно смещая фокус анализа. При этом опускаются как ключевые идеологические признаки, так и экономическая логика нацистского дискурса, связанная с колониальным капитализмом и военно-политическим экспансионизмом.

При сопоставлении нацизма с его историческим противником, социализмом, между ними всё ещё нередко проводятся аналогии с применением двойных стандартов и делается вывод об их мнимой политической общности. Сегодня, как и в XX веке, «либеральные социологи постоянно подчёркивают системную, социально-экономическую логику в тоталитаризме “левого”, но почему-то столь же настойчиво и последовательно отрицают эту логику в случае тоталитаризма “правого”. Мол, при отсутствии частной собственности ГУЛАГ получается обязательно, а в условиях буржуазного экономического порядка Бухенвальд и Освенцим получились совершенно случайно, как исключение»².

Примечательно, что в ходе таких сопоставлений либеральная мысль предпочитает вообще не упоминать о Талергофе, Терезине, британских лагерях в Южной Африке, секретных тюрьмах в Европе и резервациях в США. Вместо этого применяется анализ внешней симптоматики, а не истоков явления.

Очевидно, что серьёзная концепция современного нацизма должна обладать иммунитетом к либерально-неона-

² Кагарлицкий Б. Счёт на миллионы. Хороший фашизм и фашизм плохой / Б. Кагарлицкий // Русская жизнь. 2009. № 9. С. 34.

цистскому подходу — то есть исключать любые возможные либеральные концепты на уровне собственных исходных оснований. Это одно из базовых условий по-настоящему фундаментального теоретического осмысления явления.

Другое условие, важное в первую очередь для русской мысли, — это отказ от исторически «комфортного» представления о крахе нацизма в 1945 году. Утверждение, что советский народ одержал победу над гитлеровской Германией и тем самым избавил человечество от «коричневой чумы», верны лишь наполовину — в своей первой части. Нацизм — общая болезнь западного мира. Она исходила отнюдь не только от Гитлера, поэтому победа над Третьим рейхом не привела и, к сожалению, не могла привести к уничтожению нацизма в целом.

Это, разумеется, не отменяет решающей роли советской России в разгроме германского нацизма. Но важно не упускать из виду то важнейшее обстоятельство, что миссия германского рейха после его падения автоматически перешла к бывшим союзникам СССР.

В XX веке нацизм было принято определять как особый «травматический опыт» Запада. Это ёмкое и едва ли случайно возникшее определение мифологизирует проблему. Из него следует, что нацистский феномен открылся европейскому взору внезапно; что прежде нельзя было предсказать возникновение гитлеровского режима или его аналогов. Тем самым постулируется подсознательное неприятие Европой данного социального зла и наличие в сознании европейцев некоего отторгающего «коричневые» идеологии нравственного инстинкта. Всё это, разумеется, не имеет ничего общего с действительностью.

Конец XX века и особенно первые десятилетия нового столетия, в течение которых в Восточной Европе усердно

взращивался нацизм, показали, что благодушный настрой европейского обывателя в отношении коллективной нравственности — не более чем усыпляющий эффект пропагандистской сказки, а широко распиаренная миссия по денацификации Германии является чисто постановочным действием. Подлинная денацификация ещё даже не начиналась.

Нацистская идеология не вызвала никакого осуждения и отторжения в Европе 1930-х. Она должна по праву считаться «общеевропейской», особенно если учесть, что в гитлеровской агрессии против СССР участвовало более двадцати стран — преимущественно европейских. Вместе с войсками вермахта на советскую территорию вторглись войска Австрии, Финляндии, Хорватии, Румынии, Италии, Венгрии, Словакии. Штурмовавшая Брестскую крепость 45-я пехотная дивизия вермахта представляла собой бывшую 4-ю австрийскую дивизию. Можно упомянуть и французскую 33-ю пехотную дивизию СС «Шарлемань», названную в честь Карла Великого (фр. Charlemagne).

Польские элиты открыто сожалели о том, что не смогли присоединиться к Гитлеру в качестве союзников для похода на Восток и вместо этого сами стали объектом агрессии. Иными словами, ненависть к «восточным варварам» в польском обществе была куда более сильной, чем к реальным завоевателям, что говорит о присутствии расистских мифологем в коллективном бессознательном Европы. Эти мифологемы лежат на куда более глубоком ментальном уровне, нежели уровень реакций на текущие политические события, сколь бы трагически эти события ни воспринимались польскими или другими европассионариями.

Общеевропейский характер нацизма прослеживается не только на уровне официальных дискурсов политических

элит, но и в ходе региональных исследований жизни и умонастроений населения в период Второй мировой войны. Например, после того как в 1939 году немецкая армия вошла на территорию Польши, разные этносы проявляли лояльное отношение к одним этническим и религиозным группам на фоне неприятия других. Польские немцы признавались, что не любят евреев и католиков («папистов»). При этом последние сочувствовали полякам, а сами поляки старались понравиться оккупационным властям, рассказывая им о том, что евреи «пили из них кровь»³.

Независимые исследования повседневной жизни западного общества в 1930–1940-е годы показывают, что не только политикум, но и рядовые европейцы и американцы в подавляющем большинстве были внутренне готовы к приходу нацистского режима и воспринимали его как новую социальную норму или, как сказали бы сегодня, как некую «новую нормальность».

Поэтому установка на забывание «травматического опыта» действует сегодня как механизм вытеснения из массового сознания чувства вины и, соответственно, снимает ответственность перед жертвами нацизма. Примечательно, что жертвы в рамках всё той же нацистской логики также делятся на категории по своей значимости для западного общественного мнения — отсюда, к примеру, замалчивание информации о преступлениях вермахта на Востоке.

Столь же примечательна и антинацистская идиома: «Никогда больше». Её использование формирует у носителя подсознательную уверенность в том, что ничего

³ См.: Старгардт Н. Мобилизованная нация. Германия 1939–1945. М.: КоЛибри, 2022.

подобного не было и никогда прежде. Ведь только в этом случае надежда на неповторяемость опыта нацизма имеет смысл. К сожалению, такая уверенность идёт вразрез с логикой европейской истории, игнорируя как минимум образование первых колониальных империй, а как максимум — формирование паттернов поведения, характерных для протестантской этики.

Гитлеровский нацистский проект — это перенесение прежнего, общеевропейского колониалистского опыта внутрь самой Европы и обновление прежних расистских концепций в соответствии с текущими задачами рейха, которые подразумевали, в частности, геноцид русских и евреев.

При этом классические формы колониализма и новые, нацистские, внутриевропейские его формы продолжали существовать параллельно. Пока в континентальной Европе работали печи Дахау, британская администрация в 1943 году организовала голод в Бенгалии, в результате которого погибло более трех миллионов человек. Так выглядело наказание местного населения британской администрацией за августовскую революцию 1942 года и поддержку Индийской национальной армии Субхаса Чандры Боса. Единство причин, целей и методов старого и нового колониализма в этот момент было лишним раз доказано историей.

Между тем предпосылки для новой нацистской модификации классического евrorасизма сложились задолго до Гитлера и НСДАП (нем. *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei* (NSDAP)). Королевская Прусская комиссия по колонизации, основанная в 1886 году, рассматривала план колонизации «варварского Востока». Виднейшие учёные Германии, такие как Вернер Зомбарт, доказыва-

ли право Германии на Lebensraum — новое «жизненное пространство» на Востоке. Гитлер лишь констатировал готовность воплотить в реальность разработанные его предшественниками планы, когда называл Россию «нашей восточной Индией» и говорил: «Мы начинаем там, где остановились шесть столетий назад. Мы устремляем свой взгляд в сторону земель на Востоке. Когда мы говорим сегодня о новых землях в Европе, мы можем иметь в виду прежде всего Россию и подчинённые ей пограничные государства».

Показное ритуальное осуждение гитлеризма и Третьего рейха, к сожалению, не изменило идентичность и социальный характер западного человека и дух западных общественных институтов. Возможно, это признание разрушит чей-то гражданский символ веры, но нельзя отрицать очевидное: европейское сознание было и остаётся фашизированным на уровне своего культурного бессознательного. Западнему обывателю, как и западнему интеллектуалу, придётся в конечном счёте признать данный факт и принять связанную с ним ответственность и неизбежную долю исторического пессимизма. Только после этого может наступить определённая ясность в восприятии данной проблемы и возможностей её решения (вместо ни к чему не обязывающей «травматизации»), которая позволит критически мыслящим людям выйти из множества идеологических тупиков.

В принципе, начиная с XIX века расистская идеология Запада представляет собой двухуровневую систему: британский стандарт и набор европейских, континентальных и американских вариантов. Фактически Гитлер просто перенёс в Европу те самые колониальные практики (и их идейное оправдание), которые прежде применялись всеми

европейцами лишь на «окраинах» мира. Поэтому, в частности, умаление значимости истории колониализма и расизма по сравнению с периодом европейского нацизма само по себе является нацистской позицией — «вторичным нацизмом» или «нацизмом второго порядка». Человеческие потери и страдания представителей разных наций и рас оказываются в этом случае неравноценными.

Исторически именно нацизм (национал-расизм) привёл в XX веке к наиболее тяжёлым человеческим потерям, которые касаются в первую очередь русских и евреев. Но предшествующие ему колонизаторские практики представляют собой общеевропейское явление и в сумме своей не менее кровавы. Однако поскольку гитлеровский нацизм появляется позднее, он выступает в роли своеобразного ученика классического, прежде всего английского расизма, о чём неоднократно высказывался сам Гитлер. Он признавал, что его политика построена по британским образцам, грезил «восточной Индией» и говорил, что восхищается английским народом, который «в деле колонизации совершил неслыханное». Результатом попытки сравняться с англичанами в «деле колонизации» стал проводимый на оккупированных территориях СССР геноцид всех его этносов.

Нередко можно столкнуться с определением нацизма как «крайнего национализма». Это довольно популярный стереотип, который воспроизводится по инерции, и вместе с тем — идеологический трюк, если используется политическими и социальными технологами. При всех безусловных минусах «крайнего» национализма, являющегося вполне законным объектом критики, ничего общего с нацизмом он всё же не имеет. И это следует признать не ради оправдания национализма, а для недопущения размывания «нацизма» как понятия и постепенной реабилитации его как явления.

Даже Ханна Арендт, одна из исследователей проблемы фашизма и тоталитаризма, несмотря на свои либеральные взгляды, подчёркивала: «Многие учёные, как бы боясь вступить на путь провозглашения банальных истин, предпочитают ложно трактовать расизм как своего рода преувеличенный национализм. Вне поля зрения обычно оказываются ценные работы учёных, особенно французских, доказывающих совершенно особую природу расизма и его тенденцию к разрушению национального политического тела»⁴.

Национализм отстаивает привилегии коренного населения на его исторической территории. Тем самым автоматически признаются аналогичные привилегии других наций и этносов на их исторической территории. Национализм характерен, среди прочего, для национально-освободительных движений и борьбы против колониальной зависимости. Он принципиально «неглобален». Нацизм же провозглашает превосходство одних наций, рас (а в случае родственного нацизму культур-расизма — культурно-исторических типов) над другими в глобальном масштабе — именно это становится оправданием колонизации и угнетения народов, насильственного изменения этнического состава целых регионов (примеры: Косово, Украина), навязывания деструктивных институтов и социально-экономических моделей (Россия 1990-х годов). Нацизм всегда включает в себя глобалистские установки.

Память о войне, как правило, создаёт коллективный иммунитет против нацистской идеологии. Но он, к сожалению, не распространяется автоматически на каждого

⁴ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт ; пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева и др. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с. С. 232.

отдельно взятого человека. Поэтому люди с нацистскими взглядами встречались и встречаются среди представителей любой национальности или этноса без исключения. В этом легко убедиться на примере таких исторических явлений, как «Русская освободительная армия» Власова или «Русский добровольческий корпус» в составе ВСУ-НАТО.

Отдельные представители любого народа могут стать нацистами, и это вполне уживается с трагической историей русской «Плахы» и еврейского Холокоста XX–XXI веков.

Нацизм — это в том числе и мировоззренческий выбор. И люди всех национальностей не застрахованы от него — ибо «слаб человек и грешен», а личная выгода может перевешивать и нравственные нормы, и святыни, и память предков, особенно в либеральном рыночном обществе.

Как уже было отмечено, предпосылки нацизма возникли задолго до гитлеризма и не исчезли с его уходом. Поэтому следует сразу исключить зауженную версию возникновения нацизма как казуса как бы оступившейся западной демократии. Это не срыв в первобытную дикость и не случайная ошибка, а закономерное развитие западной культуры. Нацистский «орднунг» был неизбежен как радикализация глобального капитализма и так называемой либеральной демократии. Адольф Гитлер (Шикльгрубер) как фигура определённого склада не мог не появиться в западноевропейской истории, какое бы имя он ни носил.

Преимственность глобального либерального капитализма, расизма и нацизма связана как с их общей социал-дарвинистской ценностной базой, так и с общностью «технически совершенных» методов экономического ограбления и уничтожения населения колоний. Яркими примерами являются концлагеря, впервые опробованные в англо-бурской войне, подавление восстаний сипаев,

опиумные войны, этнические чистки и геноцид коренного американского населения британскими переселенцами, работорговля и т. п.

Либеральные режимы переносят бремя «полицейщины» и жёстких экономических мер на территории колоний, чтобы избежать похожих моделей управления у себя дома, то есть в самой метрополии. Но когда глобальный контроль ослабевает, либеральный режим бывает вынужден либо развязать войну, либо решиться на ужесточение управления на собственной исходной территории (период маккартизма в США, закрытие предприятий, ограничение свободы информации и свободы мнений, судебные иски «за пророссийскую позицию» в 2022–2023 годы в Европе).

Промежуточным вариантом между этими двумя моделями (с внешней и внутренней доминантой репрессивных практик) следует считать Германию гитлеровского периода, которая, как известно, в значительной мере «опоздала» к разделу мира. В связи с этим экспансия германского нацизма распространялась на ближнее европейское зарубежье, но в то же время под ударом оказались и внутренние этнические и социальные группы (прежде всего евреи и левые организации).

Сегодня в Германии и в целом в Европе неонацизм вновь достаточно распространён, особенно в академической среде. Распространение началось в 1990-е годы, когда конкурирующая академическая система в лице советской историографии умерла.

Одним из самых распространённых был и остаётся миф о денацификации Германии и покаянии немецкой элиты. Но победа над Германией в 1945 году не означала победы над фашизмом. Бывшие нацисты служили в бундесвере, заседали в парламенте, занимали высшие государственные

посты. Сегодняшняя Германия в союзе с американскими политическими элитами проводит курс на реставрацию нацизма в Восточной Европе и поставляет вооружение нацистскому Киевскому режиму, тем самым поддерживая военные действия и террор против русского населения. Поэтому можно утверждать, что немецкий политиком и сегодня объективно является нацистским. С этой точки зрения, соглашения с такого рода «партнёрами» опасны, поскольку приучают общественное мнение к мысли о легитимности и допустимости нацизма.

В целях реабилитации расизма, в том числе и национал-расизма (нацизма), нередко делаются попытки вывести из общего круга расистских явлений отдельные режимы — например, Бенито Муссолини или Франсиско Франко. Ещё одним инструментом реабилитации нередко становятся попытки отождествить нацизм и коммунизм и объединить их под вывеской «тоталитаризма» (оба случая будут разобраны в соответствующих главах этой книги).

При всех очевидных минусах большевистской модели социализма эти явления — нацизм и коммунизм — не сопоставимы ни в идеологическом (социальное равенство vs национально-расовое неравенство), ни в социальном отношении. Уравнивание коммунизма и нацизма в принципе равнозначно уравниванию РККА и СС, абсурдному по своей сути.

Более того, нацистская идеология вновь приняла на Западе открытые формы как раз после низвержения и делегитимации коммунизма. Нацизм окончательно признали всего лишь реакцией на коммунизм — трагической,

но закономерной — такова, в частности, точка зрения немецкого историка-неонациста Эрнста Нольте и представителей его школы⁵. Тезис о вторичности нацизма поворачивает на 180 градусов шахматную доску истории, расчерченную после 1945 года, в так называемый ялтинский период, а потому связанный с ним подход представляет собой важный идейный форпост либеральной историографии и социологии.

Но в действительности нацизм рождается отнюдь не как исторический ответ на марксизм и коммунизм, хотя и противостоит им. Он появляется на свет намного раньше — как расистская политико-идеологическая форма колониальной модели капитализма. И хотя нацистская реакция на рост популярности социалистических идей очевидна, социализм и сам был реакцией — реакцией на колониализм (то есть на протонацизм). Нацистско-расистский комплекс идей, имеющий истоки в Реформации и Просвещении, является исходным и куда более фундаментальным феноменом, чем его исторические соперники — социализм и левая мысль в целом.

Система колониализма за несколько веков до социализма выработала множество форм расистской идеологии. Наиболее удобной из них в первой половине XX века оказался для неё немецкий нацизм, тогда как «несистемная»⁶ левая мысль, как коммунистическая, так

⁵ Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм / Э. Нольте. М. : ЛОГОС, 2003.

⁶ После окончания холодной войны значительная часть левых движений была поглощена «либеральным консенсусом» и утратила своё прежнее значение, превратившись в марионеточные организации с левoliberalной миноритаристской идеологией (избирательная защита меньшинств, «политика идентичности», поддержка мультикультурализма и т. п.).

и социалистическая, объективно была направлена именно на борьбу с колониалистским миропорядком, как на глобальном уровне (коммунистические Интернационалы до и после Циммервальдской конференции), так и на локально-национальном (СССР сталинского периода, режимы Мао Цзэдуна, Фиделя Кастро и др.).

В XX веке нацизм справедливо называли «идеологией лавочников» (при институциональном и финансовом влиянии крупного капитала). В наше время социальную базу нацизма в значительной мере составляет компрадорская часть среднего и квазисреднего класса. Легко заметить, что эти слои одновременно являются и социальной базой либерализма.

Нередко можно услышать о том, что нацистские режимы якобы не репрессировали своих приверженцев. Эта точка зрения одновременно и неверна по существу и сама является нацистской в своей основе, поскольку предполагает, что объекты репрессий неравноценны и требуют разной степени сочувствия. Кроме того, эта позиция по умолчанию соглашается с тем, что немцы еврейского происхождения в Германии были якобы неполноценными немцами, чужаками. Таким образом, вольно или невольно повторяются основы гитлеровской пропаганды, а тезис о «тоталитаризме» лишь стремится замаскировать эту ситуацию.

Стоит сказать отдельно о самой теории тоталитаризма. Довольно знаменитая, не научная, но пропагандистская, она не используется сегодня серьёзными историками, которые склонны игнорировать её как явление политической публицистики, неправомерно претендующее на статус научности.

Роль «тоталитаризма» в идеологическом пространстве заключалась в том, чтобы расшатать сформированную

в массовом сознании связь понятий «нацизм», «расизм» и «фашизм», расцепить их, а затем вывести из-под крова этих понятий многие явление нацистско-расистского характера. В соответствующей главе мы опишем это подробнее.

Теория тоталитаризма получила разработку в сочинениях Карла Поппера («Открытое общество и его враги»), Ханны Арендт («Истоки тоталитаризма»), Фридриха Августа фон Хайека («Дорога к рабству»), а затем стала общим местом популярной политологии и медиакультуры. Она строится на выделении признаков, характеризующих «полицейские» методы управления, исторически присущие большинству режимов, но эти признаки не улавливают их (режимов) историческую, идеологическую и социально-экономическую специфику.

В действительности проблематика так называемого тоталитаризма является внешней по отношению к проблемам нацизма, мультирасизма и либерализма и ничего не меняет в критериях оценки их мировоззренческого базиса. Диктаторами были, к примеру, Генрих VIII, Наполеон Бонапарт, Хаджи Мухаммед Сухарто, но мы не характеризуем их как нацистов.

Сущность нацизма заключается не в диктатуре как таковой, а в оправдании глобального неравенства перманентными свойствами наций, стран и культур. Это важнейший содержательный признак. Исторически он выражается в насыщении нацистской и расистской идеологий мифами превосходства⁷ и второсортности Другого (в данном случае зависимого коллективного субъекта),

⁷ Например: «бремя белого человека», «превосходство арийской расы», ценности англо-американского атлантизма в статусе «общечеловеческих» и т. п.

апеллирующими к вымышленной расовой нечистоте, либо культурной неполноценности⁸. Ярким примером такой мифологии служат принятые в Третьем рейхе Нюрнбергские расовые законы, сыгравшие роль теоретической базы Холокоста⁹. Практический результат всех теорий, основанных на мифах «превосходства / неполноценности», — это антихристианская идея градации человечества и процветания «полноценных» за счёт «неполноценных».

Ещё один существенный признак расизма и нацизма — это технократическая дегуманизация — взгляд на человека как на разумную и говорящую машину, а на общество и культуру — как на явления техногенного характера. Ярким примером здесь могут служить нацистская евгеника, боевые наркотические вещества, применявшиеся в вермахте (первитин), плановые и технически совершенные методы уничтожения человеческих «излишков» (крематории и газовые камеры), продуманные до мелочей производственные технологии, применяемые в гитлеровских концлагерях, и использование рабского труда населения оккупированных восточных территорий («о стов»).

Старшие представители Франкфуртской школы, Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер, рассматривали нацизм как побочный результат двух глубинных исторических процессов: доминирования стандартов рациональности, навязанных

⁸ Например: «иудеобольшевики», «носители азиатских генов», «ватники», «потомственные рабы», «монголоиды», «ордынцы», «кацапы», «орки», «люди с тоталитарным сознанием» и т. п.

⁹ В числе прочего мифы превосходства применяются и к историческим эпохам («тёмные века», «тоталитарное прошлое» и т. п.). Этот исторический шовинизм ведёт к революционно-модернистскому фундаментализму и так называемым историческим разрывам (хроноклазмам) или, иначе, к разрывам традиции, что отчётливо показывает противоположность нацистской идеологии традиционалистскому мировоззрению.

эпохой Просвещения, и «аффективной» реакцией на это навязывание в виде нацистской архаики¹⁰. Технократическая дегуманизация в постгитлеровскую эпоху выглядит несколько иначе, но её основные принципы не меняются. Гласно или негласно ставится задача «улучшения человеческой породы», превращение человека разумного (*homo sapiens*) в так называемого *high-hume* по аналогии с *high-tech*, поэтому на смену нацистской евгенике в новом тысячелетии идут технологии трансгуманизма. В связи со своим техногенным характером авторитарная сущность глобального капитализма гораздо глубже и радикальнее идеологического авторитаризма коммунистического типа.

Принято говорить о нацизме как о «срыве в архаику», и это верно, если ставить вопрос в нравственной плоскости. Но во всех остальных отношениях нацизм представляет собой радикальный вариант модернистских идеологий с их технократизмом, социал-дарвинизмом и перекладыванием «платы за прогресс» с собственных социальных классов на соседние народы¹¹. Иными словами, нацистский принцип выживания сильнейшего присущ всей системе колониального капитализма, при которой метрополии собирают средства на своё развитие в виде дани с окраинных «варварских» народов, порывая ради этого с традиционными ценностями. Социализм же ставил целью распределить эту плату на все социальные группы в рамках отдельно взятого общества, что в итоге ведёт к той или иной степени эгалитаризации.

¹⁰ Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума / М. Хоркхаймер. М. : «Канон+» : РООИ «Реабилитация», 2011. 224 с.

¹¹ Аналогичным образом рабство в рамках античной «демократии» было социальной платой за свободу аристократии.

Нацизм представляет собой не случайную историческую ошибку или социальный системный сбой. Нацизм — это естественный продукт западного модерна.

Как и любой вид расизма, он основан на вертикальной сепарации — отделении «высших» от «низших». В пределе этот принцип предполагает угнетение или физическое уничтожение «неполноценных» групп, как национальных — например, сипаев, евреев, русских, цыган, — так и социальных.

То же самое можно сказать и о вненациональных формах расизма, включая современные. Например, ювенальная юстиция занимается сегодня репрессиями против якобы социально «ущербных» групп, избавляя общество от тесного контакта с «неполноценными особями» (в том числе неполноценными в плане идеологии) и поддерживая тем самым современную версию социальной селекции. Вполне очевидно, что этот социальный заказ сформирован в рамках идеологии либерального социал-расизма.

Это яркий и далеко не единственный пример новых форм расизма XXI века. Отдельного разговора достойна, например, тема «социального рейтинга».

Различия между нацизмом XX и XXI веков являются отдельной, достаточно масштабной и крайне насущной проблемой, которая наверняка найдёт своих исследователей в самое ближайшее время. Наша задача — лишь обозначить подступы к ней. Но, указывая как на отличия, так и на общие фундаментальные черты «двух нацизмов», важно отметить единство их истоков.

Необходимо честно признать, что нацизм и расизм имеют вполне определённое культурно-религиозное измерение. Общность разновременных форм и манифестаций расистско-нацистской идеологии связана с наличием у них

протестантских религиозно-культурных оснований (так называемой «протестантской этики», согласно М. Веберу) и вытекающей из этих оснований социально-экономической и политической модели западного мира.

Иначе говоря, в современном западном обществе и его культуре по-прежнему отчётливо прослеживается влияние протестантской этики и протестантского типа рациональности. Например, характерное для данной этики восприятие социального «успеха» восходит к августинианско-кальвинистской доктрине двойного предопределения, делящей людей на «избранных ко спасению» и «неизбранных ко спасению», как если бы Господь умер не за всех, но, отделяя зёрна от плевел, создавал расу «лучших людей» ещё при их жизни.

Этот взгляд, хотя и в секуляризированной форме, находит полное воплощение в неолиберальной идеологии с её принципом тотальной конкуренции и гиперрационального подхода к социальным коммуникациям и производственным процессам.

«Мягким» современным аналогом немецкого концлагерного рационализма является подчинение всех сфер жизни законам рыночного фундаментализма, интересам транснациональных финансовых игроков и методам цифровой алгоритмизации (отсюда известный термин «цифровой фашизм»). А на «улучшение человеческой породы» сегодня направлены технологии трансгуманизма, институты цифрового феодализма и стремление развивать искусственный интеллект за счёт нейроресурсов самого человека.

Но протестантский сверхрациональный тип мировоззрения имеет свою иррациональную (квазирелигиозную) изнанку. Частью этой изнанки является, например,

религиозно-фаталистическое восприятие прогресса, имеющего цель и критерии в себе самом. Этот взгляд на движение общества во времени формирует специфическую, позитивистскую модель историзма и эсхатологии.

В рамках этой модели развитие общества направляется по пути техногенной трансформации и абсурдного противопоставления ценностей цивилизации ценностям нравственности и культуры, что ведёт к рождению в недрах протестантской культуры техногенных культов, не имеющих ничего общего с христианством.

Данный вопрос в XX веке неоднократно затрагивал философ Мартин Хайдеггер, рассматривая технику не столько как «машину», сколько то, что затрагивает самого человека. Согласно Хайдеггеру, сущность техники, к которой мы «рабски прикованы», есть «беспредметность состояния-в-наличии», и она «вовсе не есть что-то техническое», напротив — это её раскрытие происходит «в человеке» и «через него»¹², а в итоге человек теряет наличие в мире самого себя. Техника становится «судьбой» человека, но одновременно и человек становится её судьбой. Иными словами, это символ особой новой религии, религии небытия, возвращающей нам ужас перед Ничто, снятый было христианской перспективой жизни вечной.

Таким образом, идеи градации человеческого материала и социального естественного отбора поддерживаются духом протестантского фундаментализма — независимо от того, выступает ли этот фундаментализм в формате исторической религиозности или в секулярном формате и имеет ли он внешние примеси в виде

¹² Хайдеггер М. Вопрос о технике / Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 234; Хайдеггер М. Поворот / Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 222, 228, 231.

техногенной квазирелигиозности. При этом принцип тотальной конкуренции и выживания сильнейшего (ницшеанское «падающего подтолкни») вполне оптимален для этой протестантско-просвещенческой, модернистской культуры. Нацизм и расизм представляют собой радикализацию этого мировоззрения, дополненного техноязычеством и порождающего либерально-капиталистическую модель общества.

Означает ли всё это, что люди с протестантским вероисповеданием и (или) мировоззрением непременно склонны к нацизму и расизму? Разумеется, нет. Это утверждение было бы таким же абсурдным, как, например, утверждение о том, что любой католик в душе инквизитор. Более того, наиболее мощный контрсистемный фактор западного мира — марксизм и близкие ему левые движения, отрицающие капиталистическое общество, — также сформировался в рамках именно протестантской культурной парадигмы.

На индивидуальном уровне парадигмальные основания культуры влияют на когнитивный стиль, но не на конечные убеждения человека. Но когда речь идёт о коллективном сознании, и особенно о сознании господствующих элит, эта зависимость, к сожалению, является куда более прямой и однозначной — культурные константы имеют определяющее значение.

Глава 2. История и трансформация понятий

Следует со всей тщательностью подходить к выработке определения нацизма. В качестве первого шага, вероятно, стоит принять во внимание определения, существовавшие в советский период. Во-первых, это место из речи И. В. Сталина на окончание Великой Отечественной войны, в которой он определил поверженного противника как «германский империализм». Но здесь важно учитывать, что речь шла о недавнем противнике, а не о нацизме в целом как историческом явлении.

Нацизм как историческое явление получил определение, известное как «формула Георгия Димитрова» (по имени её автора, болгарского коммуниста). В нём утверждалось: «Фашизм — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала... Фашизм — это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм — это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике — это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов»¹³.

Главное в этом определении — признание того, что фашизм есть продолжение общей идеологии крупного

¹³ Димитров Г. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1 (1910–1937 годы) [пер. с болг.] / Г. Димитров. М. : Госполитиздат, 1957. 526 с. С. 64–65.

капитала. Само собой разумеется, что либеральная теория «тоталитаризма», с самого начала направленная против левой трактовки явления, эту общность принципиально отрицала.

Важно подчеркнуть, что социал-дарвинистская мораль, лежащая в основе и либерализма, и нацизма, в последнем выражена более открыто и более определённо, она лишена либерально-демократических и философских украшений.

Иначе говоря, нацизм и расизм — это опричнина либерального режима, позволяющая быстро купировать опасные для либеральной системы процессы, своего рода пистолет, который либеральный капитализм носит в кармане и регулярно вынимает, чтобы поддержать мировой «орднунг» в моменты кризисов.

В остальное время этот миропорядок охраняется не столько «жесткой», сколько «мягкой силой» — благодушными доктринами фундаментальных прав и свобод, которые в реальности имеют крайне избирательное применение. Например, так называемая свобода предпринимательства при необходимости нарушается санкциями в отношении конкурентов и взрывами на их газопроводах. Из-за попыток освободиться от долларовой зависимости и начать свободную эмиссию национальной валюты могут убить главу государства, как это произошло с ливийским лидером Муаммаром Каддафи. В самих метрополиях режим управляемой демократии периодически действует на правах «витрины», но сворачивается по щелчку ради фальсификации выборов, поставок оружия, политической цензуры, ограничения сырьевого траффика и других целей.

Таким образом, можно в полной мере согласиться с тем, что нацизм и расизм — это радикальная военно-террористическая форма власти крупного капитала

(транснационального, англо-американского, немецкого или иного западноевропейского).

В принципе нацистско-расистская практика и привязанная к ней либеральная риторика — главная особенность западноевропейской культурной формы нескольких последних веков (эпохи модерна). Во второй половине XX — начале XXI века эта культурная форма выработала ряд новых манифестаций. Согласно ним, статус жертв колонизации от прежних «нехристианских», «отсталых» и «биологически неполноценных народов» перешёл к «врагам мировой демократии», «закрытым обществам», «тоталитарным государствам» и нациям, якобы отсталым в гражданско-политическом смысле. Но стандартом прогрессивного развития в либеральном понимании как была, так и остаётся вытекающая из протестантской этики модель рыночного общества: рыночный принцип, будучи сакральным (квазирелигиозным), сам по себе, разумеется, никакому Прогрессу не подвластен.

Необходимо сказать несколько слов о происхождении, истории и трансформациях ряда ключевых понятий, связанных с нацистско-расистской темой.

До сих пор вызывает много споров, и отнюдь не только в среде политологов, употребление в речевой практике синонимов «нацизм» / «фашизм».

Сразу оставим за скобками узкое понимание фашизма как идеологии режима Бенито Муссолини в Италии и аналогичных ему (Франсиско Франко, Антониу ди Салазара и др.). В узком понимании это культ государства-корпорации, которое утверждает право на неограниченное насилие, но нас интересует вся история понятия.

Небольшое эссе Бенито Муссолини «Доктрина фашизма» («La dottrina del fascismo») впервые было опубликовано

в 1932 году в 14-м томе Итальянской энциклопедии наук, литературы и искусств как предисловие к статье «Fascismo» («Фашизм»). Идеи, взятые из этого эссе, стали идеологическим основанием диктатуры Муссолини. Но после Второй мировой войны понятие «фашизм», помимо идеологии Б. Муссолини и его последователей, стало обозначать также и все виды расизма, а потом и любую экстремистскую идеологию.

Следует признать: то, что термин «фашизм» получил более широкое употребление, которое закрепилось в социальных науках как основное, — это свершившийся факт. Единственная оговорка в связи с этим могла бы заключаться в том, что синонимическая связь понятий «фашизм» — «нацизм» асимметрична: нацизм — это частный случай фашизма. В конечном счёте «фашизм» есть синоним «расизма» (всех его видов) или, говоря точнее, «мультирасизма», который включает в себя наряду с классическим расизмом XIX века культур-расизм, социал-расизм, цивилизационный расизм и т. п., в том числе, разумеется, и национал-расизм (он же — нацизм). Эта система терминов, конечно, не безупречна, но другой, сопоставимой с ней системы сегодня не существует.

Нередко можно наблюдать попытки вывести исходное, узкое значение «фашизма» как итальянской корпоративистской идеологии (проводившейся Бенито Муссолини с 1921 до 1945 года) и ей подобных за пределы данной системы понятий. Это делается, например, на том основании, что идеология Бенито Муссолини «до союза с Гитлером не знала расизма и, в частности, антисемитизма».

Но здесь важны два обстоятельства. Во-первых, пригнув к гитлеровскому альянсу, лидер италофашизма как раз подчеркнул второстепенный характер отличий двух

режимов. Во-вторых, имея колонизаторские цели на африканском континенте (Ливия, Эфиопия, Эритрея и Сомали), итальянский фашизм так или иначе использовал легитимирующее объяснение того, почему позволительно пренебречь правами африканцев для достижения своих целей. Фашизм в узком понимании (Б. Муссолини, С. Салазар, Ф. Франко и др.), как уже было сказано, — это культ государства-корпорации, которое утверждает право на неограниченное насилие, осуществляет террор, но вместе с ним использует и миф превосходства, идею высших и низших рас, культур, цивилизаций.

Миф превосходства, в каких бы формах он ни выступал — это общий закон всего спектра расистских идеологий. В данной парадигме формируется любая национальная версия фашизма, и она при всей своей специфике не в силах отменить общую закономерность. Другое дело, что притязания фашистской Италии не были и не могли в обозримом будущем сделаться в полном смысле глобальными (и принять глобалистские формы), но это уже вопрос этапов развития отдельно взятой национальной формы расизма. Развитие этой формы может как ускоряться в результате успешных завоеваний или союза с более сильным режимом, как было на первом этапе у Муссолини, так и замедляться и даже прекращаться под влиянием, например, военных поражений.

Между тем попытки вывести отдельные режимы из общей парадигмы и оформить это с помощью специальной терминологии чаще всего имеют целью постепенную реабилитацию расизма как явления.

Нередко наблюдается и другая негативная тенденция — размывание понятия. На фоне концептуальных споров и попыток подмены одних понятий другими, не

вполне или вовсе не эквивалентными (например, «фашизма» — «тоталитаризмом»), фашизм теряет чёткие смысловые очертания и становится синонимом абсолютного зла, всего самого плохого. Неудивительно, что до сих пор самый верный способ откреститься от обвинений в фашизме — это назвать фашистом кого-то другого, обычно того, кто называл тебя. Таким образом, одновременно с размыванием происходит банализация понятия и связанной с ним проблематики.

Наряду с размыванием и банализацией также имеет место и целенаправленное искажение, смысловая переориентация понятия. Автору этой книги приходилось сталкиваться с публицистами, которые утверждали, что «первый постулат фашизма — это национальная гордость». Но при таком сомнительном «критерии» фашизмом пришлось бы признать любовь и к «старой доброй Англии», и к «милой Франции» и к «святой Руси»... На самом деле речь должна идти не о национальной гордости (это здоровое чувство), но о комплексе национального (расового, культурного, цивилизационного) превосходства, о позиции нации-господина и цивилизатора других наций.

Интересно складывается судьба близкого понятия — «расизм» — у Ханны Арендт. Вначале Арендт признаёт главное: «Расизм отрицает равенство людей, ранее вытекавшее из иудео-христианского осознания человека как “образа и подобия Бога” [Бытие 1:26]»¹⁴ — но затем проводит удивительную типологизацию. Расизм у Арендт делится на два типа: расизм превосходства и расизм зависти. Расизм превосходства идеологически оправдывался заботой

¹⁴ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт ; пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева и др. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с. С. 546.

о «низшей расе» (тем самым «бременем белого человека»). А вот расизм зависти объединяет народы Центральной и Восточной Европы, в частности Россию и Германию, и опирается не на конкретный опыт, как расизм превосходства, а лишь на некие теории превосходства.

Под конкретным опытом — если иметь в виду Россию, — вероятно, следует понимать отсутствие вековой практики колонизации. Удивительным образом отсутствие фактических доказательств восточно-европейского расизма игнорируется, а стремление к деколонизации объявляется попросту «другим» типом расизма. Едва ли этот мысленный трюк настолько сложен, что нуждается в каких-то специальных комментариях.

Что касается непосредственно России, тут Арндт попросту объявляет расизмом идею объединения славян — довольно спорную, но, как показывает история, не имевшую ничего общего с угнетением и колонизацией. Понимая это и желая как-то объяснить явную нерентабельность «второго типа расизма», она пишет: «Расизм зависти сулил не материальную выгоду плантатора от его чёрных рабов или метрополии от её колонии, но моральную выгоду полного превосходства, всепонимания и прикосновенности ко всем делам человеческим»¹⁵.

По мнению Ханны Арндт, некий «славянский» расизм имел целью не материальные, а «моральные выгоды». Согласно этой логике, ущерб субъектов такой колонизации тоже должен быть моральным — ущербом от «всепонимания и прикосновенности». Читая Арндт, невольно приходишь к выводам, которые сильно расходятся с авторскими.

¹⁵ Там же. С. 92.

Конечно, следует сказать несколько слов и об авторской методологии. Примечательно, что Ханна Арендт приводит в качестве аргументов не экономические, а психологические понятия, пытаясь сделать их частью политических. Она описывает национальные задачи и интересы в терминах психологических установок. Но странное, абсолютно произвольное деление наций на «высокомерные» и «завистливые» вызывает много вопросов и, в сущности, само по себе является расистским.

В целом существует богатая практика приписывания нацизму далёких, не относящихся к нему или относящихся не только к нему, неспецифических признаков. Например: «отсутствие демократии» или, наоборот, неоправданное якобы «единение народа с государством».

Строго говоря, если единения народа с государством нет (это всегда вина государства), то нет и демократии. Но дело заключается не в наличии демократии или её нехватке, а в существовании стигматизированной группы, группы-жертвы внутри или вне государства, на которую общие блага не распространяются, будь то демократия (реальная, а не либеральная, то есть демократия большинства) или какие-то другие социальные возможности и выгоды.

Но если демократия соотносится с нацизмом и расизмом, так сказать, факультативно, то «традиционализм», также упоминаемый иногда в качестве атрибута нацизма и расизма, в реальности является их прямой противоположностью. Тем не менее «культ традиции» в качестве признака указан Умберто Эко в «списке типических характеристик Вечного Фашизма (ур-фашизма)» в знаменитом эссе «Вечный фашизм»¹⁶.

¹⁶ См.: Эко У. Вечный фашизм // Пять эссе на темы этики / У. Эко ; пер. с ит. Е. Костюкович. СПб. : Симпозиум, 2000. 157 с.

Якобы имеющее место ретроградство и стремление нацизма «отменить прогресс», «неприятие модернизма» — миф, опровергаемый технологической оснащённостью Третьего рейха, рационализацией производства с помощью заключённых концлагерей и идеей «улучшения человеческой природы» на основе евгеники (последняя предвосхитила современный трансгуманизм). Напротив, наряду с «кровью» нацизм обожествляет «Прогресс», понимаемый не только как технические достижения, но и как расчеловечивание, трансформация человеческого существа. Умберто Эко в «Вечном фашизме» соединяет несоединимое: «Как итальянские фашисты, так и немецкие нацисты вроде бы обожали технику, в то время как традиционалистские мыслители обычно технику клеймили, видя в ней отрицание традиционных духовных ценностей. Но, по сути дела, нацизм наслаждался лишь внешним аспектом своей индустриализации. В глубине его идеологии главенствовала теория Blut und Boden — “Крови и почвы”. Отрицание современного мира проводилось под соусом отрицания капиталистической современности. Это, по существу, отрицание духа 1789 года (а также, разумеется, 1776-го) — духа Просвещения»¹⁷.

Традиция, напротив, представляет собой серьёзный противовес «голосу крови», с одной стороны, технократии — с другой и глобализму (т. е. гегемонии одной культуры) — с третьей. Конечно, при условии, что это системный традиционализм, для которого все традиции равноценны, нет «хороших» и «плохих». Традиция уравнивает людей, в ней нет логики исключения, которой живут культур-

¹⁷ Эко У. Пять эссе на темы этики / У. Эко ; пер. с ит. Е. Костюкович. СПб. : Симпозиум, 2003. С. 70.

и национал-расизм. Традиция остаётся «при своём» и не склонна подчинять кого-то на стороне, предаваясь экспансионизму.

Нередко в качестве особого признака нацизма и расизма называют «тотальность», но это понятие само по себе требует уточнения. Во всяком случае, «тотальность» нацизма не специфична. Тотально всё: религия, социализм, либерализм, глобализм. И если уж говорить о тотальности, то стоит иметь в виду в первую очередь глобалистские идеологемы.

Публицист Максим Кантор среди черт фашизма называет «имперство». В статье «Скифы в банке» он утверждает: «Те, кто считает себя “левыми”... исповедует имперскую доктрину... невозможно одновременно бороться против фашизма и за империю»¹⁸. По мнению Кантора, «фашизм — это и есть имперская национальная идея». Это тоже довольно странное утверждение: по логике автора получается, что Советский Союз не мог сопротивляться нацистской германской империи, поскольку и сам был империей.

В действительности фашизм — это, прежде всего, расовая теория или другая доктрина исключительности. Великая Отечественная была с обеих сторон имперской войной, но только с одной, немецкой стороны она была расовой и этнической. Сталин защищал свою империю, но советские люди также защищали свои семьи и русскую землю. А вот планов и намерений проводить геноцид “неполноценных арийцев” ни у советских солдат, ни у Сталина точно не было.

Антифашизм французского Сопротивления также не мешал Франции оставаться колониальной державой вплоть до середины 1950-х годов, удерживая за собой Индокитай.

¹⁸ Кантор М. Скифы в банке [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2014/03/07/skif/> (дата обращения: 07.06.23).

Сегодня Украина, подобно Германии 1940-х, демонстрирует наряду с нацизмом классические имперские комплексы. Вспомним, каковы истоки и логика конфликта. СССР, не имея национальных притязаний, в своё время «отпустил» все советские республики, включая Украину. Украина же сегодня не отпускает этнических русских. Русские, живущие в Новороссии, не хотят русифицировать украинцев, но украинцы, напротив, стремятся украинизировать русских. Исходя из этого сопоставления, вполне понятно, что именно с украинской стороны имперская политика сочетается с радикальным национал-расизмом.

Приведём пример: военнослужащие ВСУ пытаются объяснить, зачем они пришли на Восток убивать людей: «На Луганщине у нас случился настоящий переворот. Мы увидели, что девяносто девять и девять десятых местного населения за присоединение к России. И задали вопрос: а что или кого мы приехали сюда защищать? Нашли единственное объяснение: просто мы должны отстаивать целостность Украины... Все эти месяцы мы воспринимали их как своих соотечественников, хотя они отличаются от нас капитально. У нас каждый старается построить хороший дом, чтобы лучше, чем у соседа, а у них можно “Вия” без декораций снимать. Они там умирают, а их даже никто не хоронит... Батя сказал — едь, сына, поясни, як у нас на заході живуть и як жить треба... Там общаться на украинском было для меня делом принципа. Мы принесли на Восток росток Запада». — «А на Запад вы принесли росток Востока?» — спрашивает корреспондент. «Неа... Там люди живут бестолково и одним днём»¹⁹.

Комментарии здесь излишни. На самом деле требование русских к государству Украина представляет собой

¹⁹ Ахмедова М. Образ врага // Русский репортёр. 2014. № 24.

классическую ситуацию библейского Исхода: «Отпусти мой народ». Но герой цитируемой выше статьи упорно не желает её замечать. Так обнаруживают себя глубинные расистские истоки нацизма, возрождённого в XXI веке в Восточной Европе.

Поскольку либеральные концепции нацизма и расизма направлены на банализацию и поэтапную реабилитацию связанных с ними понятий, они уделяют избыточное внимание стилистике, внешним эффектам, некой имперской помпезности, которые лишь связаны с нацизмом и расизмом, но не стремятся учитывать подлинную сущность этих явлений.

Например, при описании гитлеровского режима считается важным упомянуть об Олимпиаде 1936 года и известном фильме Лени Рифеншталь («Олимпия»), хотя они представляют собой лишь элемент имперского пиара, существующего при любых режимах.

Олимпиада не добавила и не убавила нацизма в Германии. Зато огромное значение для работы нацистской пропаганды имели знаменитый план «Ост» и план колонизации славянского населения, брошюра «Унтерменш», формат решения «восточного вопроса», Нюрнбергские законы и евгеника. Но как раз всё это для либеральных «критиков» нацизма не представляет особого интереса. Во-первых, потому что указывает на специфику явления, в то время как задача либеральной пропаганды — максимально размыть его границы и характерные признаки с помощью «антиталитарной» риторики. Во-вторых, потому что либеральные идеологи отлично понимают, что нацизм является логическим итогом их собственного мировоззрения.

Важнейший признак нацизма (фашизма, расизма) — неравенство, созданное рыночной демократией.

Действительно, так называемый свободный рынок — это инструмент поддержания неравенства, то есть войны всех против всех, при которой остаётся лишь поддерживать лидера и тем самым утверждать право сильного. Поэтому у либерализма и нацизма присутствует важнейший общий принцип — тотальная конкуренция. Перенос этого принципа из экономической, рыночной плоскости в культурную, этническую, социальную и обратно в экономическую по существу ничего не меняет.

Именно поэтому либеральный истеблишмент стремится привести к единому рыночному знаменателю такие общественные институты, как религия, семья, отношения полов (отсюда принудительная секуляризация, ювенальные технологии и узаконивание однополых браков). То, что предполагается разрушить в сфере культуры и традиции, удобнее всего сперва подчинить воле экономических игроков — и процесс распада начнётся сам собой, требуя временами лишь лёгких корректирующих жестов.

Уже упомянутая Ханна Арендт признаёт, что «расизм является главным идеологическим оружием империализма», и это вполне справедливо, если под империализмом понимать либеральный капитализм на этапе экономической и политической сверхмонополизации. Иными словами, спорить напрямую с тем, что расизм есть неизбежный атрибут либерального капитализма, Ханна Арендт не решает²⁰.

Не обходя вниманием имперскую эстетику, либеральные критики также склонны говорить о «культе силы», «подчинении личности коллективу, скреплённому “идеями”».

²⁰ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт ; пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева и др. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с. С. 232.

Все эти явления, как бы ни относиться к ним, характерны для режимов любого типа и имеют к нацистско-расистскому идейному кластеру точно такое же отношение, как и ко всем прочим.

Подчинение личности коллективу или части коллектива в целом неизбежно. В случае с нацизмом дело заключается не в подчинении или «идее подчинения», но в разделении и кастовости, однако если без ограничения прав личности государство и общество невозможны, то без сегрегации и градации возможны вполне. Собственно, нацизм и расизм и являются искусственной градацией людей — вплоть до отрицания существования той или иной этнической, культурной или социальной группы, как это случилось с русскими в начале XXI века в связи с отрицанием западными элитами русского мира.

Глава 3. Феномен тоталитарности

Практически сразу после падения Третьего рейха либеральные элиты Запада выработали консенсусную установку: формально осудить сам гитлеровский режим (в связи с коммунистическим), но реабилитировать идейные предпосылки гитлеризма. В связи с этим начали создаваться условия для перехода от гитлеризма к идеологии либерал-расизма — так сказать, «расизма с человеческим лицом». Одновременно, хотя и более медленными темпами, началась реабилитация самого нацизма как идеологии определённого типа, завершившаяся к 2014 году.

Процесс был многоступенчатым.

К этому моменту узкое толкование термина «фашизм» в значении «режим Муссолини» уже было расширено и отождествлено с понятием «нацизм». На следующем этапе стараниями таких авторов, как Ханна Арендт, Карл Поппер и их последователей, была сформирована тенденция к растворению исторически конкретного понятия «фашизм» (и его синонимов) в более общем и куда менее конкретном понятии — «тоталитаризм». Обычно семантику «тоталитаризма» складывают из двух частей, представляя его как сочетание массовых репрессий и массовой пропаганды.

Либеральная теория тоталитаризма — это продукт холодной войны, использовавшийся как пропагандистский инструмент для дискредитации противника. С её помощью стремились представить историю Второй мировой войны как победу сил демократии над силами тирании — данная идеологическая матрица была заявлена ещё в книге Уинстона Черчилля «История Второй мировой войны».

Роль «тоталитаризма» заключалась в том, чтобы размыть контекстуальное поле, созданное понятиями «нацизм», «расизм» и «фашизм». Чехарда терминов, связанных с этим контекстом, сопровождала политические маневры, имевшие целью добиться кардинальной смены сложившегося в массовом сознании восприятия расизма и нацизма — крайне неудобного для либеральной пропаганды. Также она помогала переставить многие идеологические акценты и в итоге сместить всю идеологическую парадигму.

В целом в результате победы такого подхода оказалось возможным лишить тему Великой Отечественной войны подлинных морально-оценочных критериев, убрав из неё ключевые понятия — «агрессор», «жертва», «геноцид», «этническая война». Также европейцам удалось вытеснить из истории XX века проблему «немецкой вины» и вины всех стран фашистского блока. Следующим шагом, получившим отражение, в частности, в знаменитом «споре историков», стал взятый в Германии реваншистский курс на «нормализацию истории» и фактический отказ от признания вины за начало войны с СССР²¹. В частности, один из главных представителей реваншизма, берлинский профессор Эрнст Нольте, утверждал, что «политику физического уничтожения евреев, проводившуюся фашистским режимом Гитлера, следует рассматривать в тесной связи с вопросом об уничтожении гражданского сословия в России, а также с уничтожением кулачества, то есть крестьянства». Нольте утверждает также, что германский фашизм следует оценивать как

²¹ См., напр.: Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм / Э. Нольте. М. : Логос, 2003. 528 с.

«зеркальное отражение русской революции и в определённой степени марксизма»²².

Таким образом с помощью политической лингвистики создавалась почва для пересмотра итогов Второй мировой войны. Более того, на фоне адаптации массового сознания к поверхностным представлениям о «тоталитарности» серьёзное научное исследование нацизма и фашизма было табуировано в обществе, что с политической точки зрения закономерно: ведь в противном случае пришлось бы, например, открыто говорить о нацистском реваншизме на Украине, в Прибалтике, в Польше, а этого правящий класс Запада стремится избежать. Поэтому для того чтобы глубже погрузить обывателя в «(анти)тоталитарную» проблематику, теме тоталитарности уделялось и уделяется максимум внимания; ей посвящались в числе прочего и культурные события вроде нашумевшей выставки «Берлин — Москва», проходившей в ГМИИ им. А. С. Пушкина в 1996 году.

Если анализировать саму либеральную теорию тоталитаризма, её внутреннее содержание, становится очевидным, что она представляет собой довольно слабую систему построений. Например, её защитники всегда были готовы сохранить в списке критериев тоталитарного общества «сильную власть», но затушевать технократию, юридизм, мифы превосходства и другие сакральные элементы эпохи модерна. При этом семантику понятия «тоталитаризм» обычно складывают из двух частей, представляя его как сочетание массовых репрессий и массовой пропаганды.

²² Дрожжин С. Н. Призрак неонацизма. Сделано в новой Европе / С. Н. Дрожжин. М. : Алгоритм, 2006. 241 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://pub.wikireading.ru/hs6CR9Fhed> (дата обращения: 04.04.2023).

Либеральная трактовка тоталитарности основана на идее «двух тоталитаризмов» («бинарной», или «биполярной», концепции тоталитарности) или — шире — «закрытых обществ», появившейся в работах философа и социолога Карла Поппера («Открытое общество и его враги»), философа Ханны Арендт, политолога Збигнева Бжезинского и некоторых других авторов. Концепция родилась с началом холодной войны, но оказалась долговечнее противостоящих друг другу политических блоков. Её основной посыл заключается в том, что коммунистические и фашистские режимы якобы являются политически родственными и противостоят «либеральным демократиям».

Так, в частности, в работе «Истоки тоталитаризма» (1951) Ханна Арендт писала: «На сегодня нам известны только две аутентичные формы тоталитарного государства: диктатура национал-социализма после 1938 г. и диктатура большевизма после 1930 г. Эти формы государств существенно отличаются от всякого рода диктаторского, деспотического или тиранического правления, хотя они и явились результатом непрерывного развития партийных диктатур, их сущностно тоталитарные качества новы и не выводимы из однопартийных диктатур»²³.

Характерна попытка Арендт провести черту между тоталитаризмом и «просто деспотиями», «просто диктатурами». Правда, ссылка лишь на то, что «сущностно тоталитарные качества новы и не выводимы» из прежних видов властных практик, вызывает много вопросов. Подобная аргументация напоминает больше язык теософии, нежели речь историка.

²³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт ; пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева и др. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с. С. 545.

Впрочем, Арндт, как известно, и не была профессиональным историком.

Тоталитарная идеология, по мнению Арндт, отличается от других тем, что ставит во главу угла единственную теорию (будь то теория национального начала или классовой борьбы) и из этой теории выводит все общественные дисциплины: философию, политику, историю и даже теологию. Универсализм в политике можно оценивать по-разному, но возник он как минимум в Средние века (это если оставлять за скобками Античность) и в дальнейшем многократно встречался в самых разных видах. Разве не универсальна, например, либеральная теория естественных прав или неохристианство или любой религиозный фундаментализм, не говоря уже о расизме? Ответ: нет. В таком случае «тотальность» (универсальность) теории вряд ли может служить критерием её злокачественной сущности. Здесь явно упущен или подменён какой-то другой, более важный критерий.

На концепции двойного тоталитаризма была основана парадигма новой политики, вступившая в силу после 1989 года. Её социально-политический подтекст примерно следующий: сегодняшняя политика силы и военного «экспорта демократии» как бы искупается вчерашними жертвами тоталитарных режимов. Иначе говоря, вчерашний тоталитаризм служит своего рода индульгенцией, выданной историей сторонникам нового глобального миропорядка.

Технология воздействия на коллективное сознание в рамках этого дискурса достаточно проста — это постоянное напоминание об исторической травме, то есть апелляция не к рациональной, а к эмоциональной сфере. Эта эмоциональная составляющая, подстёгиваемая инфернальной символикой, мотивом абсолютного зла, категорическим

императивом «Это больше не должно повториться!», очень заметна в концепции двух тоталитаризмов.

Ярким примером подобной стратегии можно считать публичную деятельность Светланы Алексиевич — автора книги «У войны не женское лицо», уроженки Западной Украины и белорусской писательницы, предпочитающей писать на русском языке. Алексиевич утверждает, что даже не вовлечённая позиция по отношению к феномену тоталитарности («Я родился позже, к чему меня всё это обязывает?») «ничтожна» и вполне тоталитарна, поскольку «жертвы так же противны, как и палачи», и якобы существует опасность «повторения ГУЛАГа». По аналогичной схеме строится формула украинских ультраправых: «Кто не скачет, тот москаль». При этом совершенно не существенно, кто именно этот самый «тот» и «москаль» ли он на самом деле: реальность не важна, важен сам принцип. А принцип заключается в том, что без картины тёмного тоталитарного прошлого и его «адептов» не вырисовывается картина светлого либерального будущего, поэтому так необходим был образ исторического врага — стандартизированной «тоталитарной личности». Это ситуация обращённой тоталитарности, в которой первый опыт столкновения с реальным тоталитаризмом человек получает именно в рамках противостояния и внутреннего сопротивления антитоталитарным либеральным дискурсам. Как предсказывал ещё один классик западной антиутопии, Олдос Хаксли, «свобода уничтожена под лозунгом защиты свободы». Действительно, самым тоталитарным на рубеже XX–XXI веков стал именно дискурс борьбы с «наследием тоталитаризма».

Уже в 1960-е годы появились политические концепции, которые шли вразрез с «двухтоталитарной» либеральной ортодоксией. В первую очередь следует сказать

о представителях неомарксистской франкфуртской школы. Старшие её представители, Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер, рассматривали фашизм как побочный результат двух глубинных исторических процессов: во-первых, доминирования стандартов рациональности, навязанных Европе эпохой Просвещения; во-вторых, другого, встречного процесса — аффективной реакции на эти стандарты иррациональных пластов европейской культуры (нацистский контрмодерн, или археомодерн).

Представитель второго поколения франкфуртцев Герберт Маркузе, культовая фигура бунтующей молодёжи 1960-х, гуру радикального студенчества, пришёл к выводу, что репрессивный аппарат либерального общества эпохи постмодерна формирует «фашизоидный» тип сознания — «одномерного человека». И делает это не менее успешно, чем его «тоталитарные» конкуренты. Примером государства «скрытого фашизма» для Маркузе и его единомышленников служили, в частности, Соединённые Штаты Америки с массой обывателей-реднеков.

В свете левой критики идеологическая карта XX столетия, расчерченная по принципу «две плохие теории — одна хорошая», уже в 1960–70-е выглядела сомнительно. При этом важно принять во внимание, что франкфуртцы во все не ставили под вопрос саму категорию тоталитарности и даже не пытались сузить её, как это делали консервативные критики справа. Напротив, они шли по пути расширения понятия, раздвигая его рамки. При таком ракурсе любой репрессивный механизм выглядел симптомом латентного фашизма.

Многие оппоненты теории, как уже было сказано, указывали на разные социальные предпосылки двух режимов. Коммунизм апеллирует к низам, фашизм и на-

цизм — к крупной буржуазии и радикализованному («взбесившемуся», согласно Антонио Грамши) среднему классу.

Но для системной критики «двойной» теории тоталитаризма этого было недостаточно. Чтобы критика набрала достаточную объяснительную силу, надо было разобраться с тем, почему политический мейнстрим XX столетия — либерализм — упорно выводится за пределы посттоталитарных исследований.

Любопытной в этом отношении выглядит позиция социолога и историка Иммануила Валлерстайна, изложенная им в работе «После либерализма». Её отличительной чертой можно считать восприятие фашизма и коммунизма не как двух идеологий, противостоящих либеральной «демократии», а как составных частей большого либерального проекта, который берёт начало в 1789 году. По этому же поводу уже упоминавшийся М. Хоркхаймер, один из основателей франкфуртской школы, однажды заметил: «Тоталитарный режим есть не что иное, как его предшественник, буржуазно-демократический порядок, вдруг потерявший свои украшения».

Интересные наблюдения за эволюцией доктрины тоталитаризма можно найти и у российских авторов левого направления. Очень показательна статья Александра Тарасова «Ошибка Штирлица. Для чего им «теория тоталитаризма?»²⁴ о дискуссии, получившей отражение в сборнике «Прошлое: российский и немецкий подходы».

Понятие «тоталитаризм» и связанная с ним магия универсальности позволяют исследователю уйти от наиболее трудных вопросов исторического процесса, просто

²⁴ Скепсис. 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: http://sceptis.net/library/id_2536.html (дата обращения: 04.04.2023).

разделив историю XX века в манихейском духе — на зоны естественного и неестественного развития. Моральное осуждение «тоталитарных методов» в политике и экономике заменяет в этом случае анализ социальных структур и процессов, а главный вывод известен заранее. При этом, как правило, упускается из виду, что периоды так называемой тоталитарности прочно связаны с периодами так называемого нормального развития, причём для них характерна определённая цикличность и корреляция с периодами кризисов. В связи с этим корректнее было бы говорить не о тоталитаризме или «тоталитаризмах», а о состоянии тоталитарности, свойственном западному обществу в целом.

Либеральная система, регулярно принимающая нацистско-расистский формат, и сама, бесспорно, может быть названа тоталитарной, но это качество не отражает её основное культурно-историческое содержание.

Одной из «скреп» бинарной концепции тоталитарности считается книга Карла Поппера «Открытое общество и его враги»²⁵, в которой аналогом антиномии «тоталитаризм и демократия» служит пара ключевых понятий: «закрытое» и «открытое» общество. Книга наделала много шума, но с тех пор, как она вышла в свет, дилемма общественной открытости-закрытости изменила свой первоначальный смысл. В 1990-е и 2000-е годы выяснилось, что так называемое открытое общество представляет собой некоторое количество «закрытых» корпоративных структур с ещё более жёсткой внешней и внутренней идеологией, чем у государственной автократии. С другой стороны, в условиях

²⁵ Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. / К. Поппер ; пер. с англ. ; под общ. ред. В. Н. Садовского. М. : Культурная инициатива; Феникс, 1992.

развития информационных технологий и роста информационного неравенства проблема «открытости» сменяется проблемой информационной безопасности.

Согласно философу Ульриху Беку, в первой половине XXI века формируется так называемое общество риска, для которого характерен резкий скачок уровня общественных угроз (от терроризма и войн до экологических катастроф), а его члены превращаются в единую «команду мировой опасности»²⁶. Прежняя борьба идей заменяется борьбой за определение рисков. Поэтому, с точки зрения Бека, функции универсального определения рискогенности должны быть возложены на социологию, которая призвана играть роль метадисциплины в социогуманитарной сфере. Эту тенденцию Ульрих Бек предлагает называть «Новым Просвещением».

Вполне очевидно, что данная концепция приветствует рост в обществе новых тоталитарных тенденций, основанных на алармистском управленческом волюнтаризме, методах коллективного запугивания, которые заменят привычные формы администрирования. Социальная критика, вне всякого сомнения, будет объявлена умножением рисков, а сторонники социальной справедливости и социальных гарантий — опасными популистами.

Субпроектом «Нового Просвещения» становится замена прежней идеи привилегированного «городского креативного класса» идеей сверхкреативной цифровой среды, наполненной новыми участниками из среды диджитариата, передвигающимися в ней с пакетами оставшихся

²⁶ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. В. Седелника и Н. Фёдоровой ; послесл. А. Филиппова. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

от креативного класса «постматериальных ценностей» и оставляющими в этой среде цифровые следы.

Тотальная диджитализация представляет собой вариант идеи искусственного интеллекта — но не самостоятельного и внешнего по отношению к человеку, а использующего нейроресурсы самого человека, структуру его психики и моделирующего поведение алгоритмизированных человеческих сообществ в рамках «социальных платформ».

Это означает не просто резкое сужение возможностей рационального выбора индивида, которое в либеральном словаре должно определяться как тоталитарная тенденция. Речь идёт уже о техногенной перестройке самой когнитивной сферы человека, об «улучшении» его внутренней природы (трансгуманизм), т. е. о своего рода неоевгенике, а это — отчётливая тенденция к фашизации. Условием перехода к новому состоянию является согласие общества рассматривать мировоззренческие, ценностные и научные проблемы как технические, управленческие и логистические, связанные с манипуляциями массивами цифровых данных. Всё это, разумеется, снимает ответственность за принятие решений с управляющего класса.

В таких условиях любая теория тоталитаризма, если она последовательна, вынуждена перейти к исследованию техногенных культов, порождаемых неонацистской и либерал-расистской парадигмой в начале XXI века. Но на самом деле предпосылки для пересмотра теории возникли значительно раньше. Он стал неизбежным в тот момент, когда фашизм вновь возродился в Европе.

И сегодня, начав всерьёз анализировать регресс политического сознания в XX веке, мы будем вынуждены отойти от понятия «тоталитаризм» и вновь заняться проблемой

нацизма и расизма — куда более точных понятий, описывающих исторические явления как прошлого, так и, к сожалению, настоящего.

Глава 4. Колониалистский генезис нацизма и расизма

Проблема идейного генезиса и исторической преемственности расизма и нацизма подвергалась и подвергается табуированию и маргинализации в западных науке и публичном пространстве. Несмотря на это, отдельные работы по указанной теме существуют и вызывают большой интерес у независимых исследователей²⁷.

Корни нацизма уходят в эпоху исторического колониализма. Без учёта этого факта не может быть полноценного понимания нацистско-расистского феномена. Тем не менее, несмотря на формальное наличие целого направления «постколониальных исследований», западный научно-идеологический мейнстрим привержен искажённому подходу к проблеме. Искажения вызваны отказом от учёта колониалистского фактора во всей его исторической полноте. В результате связь между колониальным капитализмом, расизмом и нацизмом, включая гитлеризм, сознательно игнорируется научно-идеологическими институтами. Это вызвано стремлением к сохранению неомодернистской парадигмы представлений об обществе и культуре.

Неомодерн не склонен воспринимать присущую ему расистскую логику как нечто выходящее за рамки отдельно взятого «режима» (гитлеровского) и его аналогов. Защищая свою культурную матрицу от экзистенциальных угроз, неомодернистское сознание избегает исторических

²⁷ Напр.: Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ». Курс лекций, прочитанный в Гейдельбергском университете. СПб. : Академический проект, 2003.

обобщений и глубокого анализа. И когда обсуждение темы нацизма и расизма выходит за хронологические рамки XX столетия, касаясь индейцев, бушменов, конголезцев или китайцев, ставших историческими жертвами в более ранние периоды, сознание европейско-американского обывателя уже не способно реконструировать связь явлений. Неомодернистский консенсус блокирует это направление мысли.

По этой же причине переход к открытым формам «экспортного нацизма» в 2014–2022 годах прошёл для западного общества легко и не вызвал когнитивного диссонанса, поскольку для него это — естественный и исторически закономерный процесс. Расистские установки в западной культуре радикализируются в периоды кризисов, но в спокойные периоды развития их функционирование замедляется и прикрывается защитным поясом из общелиберальных и леволиберальных идей, таких как толерантность, мультикультурализм, общечеловеческие ценности.

Между тем с исторической точки зрения нацизм — это не какое-то локальное явление, но последняя стадия так называемой римской болезни Европы. Термин «римская болезнь» указывает на исторический мимесис — подражательность — западного сознания. Бывшие варвары, сокрушив и разграбив Рим, в силу своей культурной несамостоятельности сами почувствовали себя в статусе римлян, назначив остальной мир «варварами», то есть своими потенциальными подданными и службой. Именно поэтому христианизация Европы оказалась поверхностной: уже эпоха Каролингов возродила открытое подражание Древнему Риму и кесарям.

Следствием этих установок стало убеждение в особой миссии и особых правах западной цивилизации по

отношению к остальному миру. Катехизация неевропейских народов, предписываемая христианством, была кощунственно подменена их колонизацией — под вывеской всё того же Просвещения. Но основы европейской христианской идентичности с наступлением эпохи колониальных завоеваний были утрачены, поскольку легитимация захватов земель, угнетения и уничтожения «варварских» народов неизбежно требовала корректировки ценностной системы.

«Римский стиль мышления» предполагает, что господствующая культура тождественна культуре как таковой, своего рода культурному космосу, а формы человеческой организации, которые в неё не вписываются, относятся к сфере культурного хаоса и рассматриваются как проявления варварства²⁸. Для обозначения этого варварства может использоваться расистский словарь непосредственно — тогда речь идёт об «азиатских варварах», «недолюдах» («унтерменшах»), «ущербных нациях». В других случаях дискриминирующая парадигма прибегает к камуфляжу, использует систему эвфемизмов, апеллирующих к авторитету чистой науки, рациональности, естественного права, объективного общественного блага и даже некоей абстрактной морали. В этом случае речь обычно идёт о «тирании», «авторитаризме», «незрелости демократических институтов», «потомственном рабстве», «неразвитом гражданском обществе». Данная терминология, обладающая внешними чертами научного стиля и тираноборческой романтики, выполняет функцию культурного подчинения и установления гегемонии.

²⁸ Уже в сочинениях Аристотеля содержится утверждение о том, что «варвары», в отличие от ахейцев, не имеют души, поскольку не являются людьми.

Сверхзадачей указанных дискурсов являются легитимация идеи господства, оправдание ситуации, когда одна, якобы более развитая культура может диктовать свою волю другим, якобы менее развитым, поскольку обладает более высокими идеалами и находится на «правильной стороне истории». Право использовать свои критерии оценки исторической ситуации при этом имеет, разумеется, лишь одна из сторон — доминирующая, — тем самым девальвируя культурные ценности и опыт других исторических акторов.

Адепты расизма игнорируют тот факт, что была в мировой истории и арабцентричная эпоха, а в период расцвета Восточно-Римской (Византийской) империи Европа фактически находилась в роли провинции христианского мира (но это не порождало мифов о неполноценности). Отдельного упоминания достойна судьба «первого» Рима, павшего под ударами варваров. Но, к сожалению, любой гегемонизм включает в себя комплекс психологического бессмертия и в своём самоослеплении склонен считать себя вечным.

Французский философ Рене Жирар в 1970-е годы определил свойственные западной культуре мифы превосходства как «сакральное насилие» и принесение «сакральной жертвы», связав их с языческим институтом жертвы. Сакральная жертва должна претерпеть ущерб, тем самым послужив благу лучших членов племени. Эта мифологическая матрица и породила стержневой сюжет истории европейского общества — сюжет колонизации.

Этот ритуально-мифологический комплекс, берущий начало в глубокой языческой архаике, как раз и порождает в самом общем виде исторический фундамент колониалистской идеологии. Он построен на мифах культурного

(цивилизационного, расового и национального) превосходства, породивших ключевые культурные коды протестантского, в том числе секуляр-протестантского Запада. Они и являются важнейшим условием сборки идентичности исторических европейцев, особенно в условиях англо-американского доминирования. В современных условиях сакральными жертвами обычно назначаются враги господствующего миропорядка, совершившие действительные или мнимые «преступления против человечности», — отдельные личности, такие как Слободан Милошевич, Муаммар Каддафи, Саддам Хуссейн, а также — и это куда более трагично — целые народы, например сербский или русский.

Мифологическое ядро расизма за несколько столетий породило многослойную дискурсивную среду, включающую в себя богатый идейный репертуар, начиная с «бремени белого человека» и заканчивая концепцией «общечеловеческих ценностей» и мультикультуралистскими теориями.

Британский империализм сформировал центральный колониалистский дискурс, основанный на идее *civilizing mission* — цивилизаторской миссии по «просвещению народов», которая также обозначалась термином «бремя белого человека» (авторство приписывается Редьярду Киплингу). Этот дискурс вобрал в себя просветительский мессианизм, понимаемый как необходимость цивилизовать дикарей независимо от их воли. Предполагалось, что господство европейских держав, внешнее управление и вмешательство в жизнь колоний в конечном итоге выполняет благотворную, цивилизующую, просветительскую роль.

Колониалистская доктрина внешнего, принудительного цивилизаторства строилась на кощунственной

идейно-нравственной подмене. В рамках этой доктрины идея добровольной и мирной христианизации, катехизации, духовного просвещения выполняла роль ширмы для оправдания насильственного военно-политического подчинения и угнетения западными центрами капитала всего остального мира. К сожалению, именно таким образом европейская (протестантская и католическая) христианская миссия была отторгнута и обесценена в глазах многих стран и народов, что предопределило неизбежность разрыва самого Запада с христианской традицией.

Юридическим оформлением колониалистской политики следует считать понятие *terra nullius* («ничейная земля»), которое открывало возможность Британии и другим европейским странам якобы на законном основании присваивать земли нехристианских народов. Даже в XX веке в ходе нашумевших в США судебных процессов истцам из числа представителей индейских племен так и не удалось добиться отмены этого принципа и признания незаконности изъятия их земель. Примечательно, что в данном сюжете присутствует кардинальная антихристианская подмена понятий: колонизация вместо катехизации.

Яркими примерами расистской политики следует считать подавление восстания сипаев в Индии и опиумные войны в Китае. Цивилизаторы искренне считали индейцев, индусов, китайцев и негров людьми, не сравнимыми с ними с точки зрения прав и интересов. Впрочем, в определённой ситуации на роль сакральных жертв могли быть назначены и соседи-ирландцы, которых в ходе религиозных войн в XVII веке могли продавать в рабство²⁹.

²⁹ Локальным, внутрибританским вариантом социал-расистского рабства можно считать описанные английскими классиками «рабочие дома».

Одна из ключевых фигур Просвещения, классик философии свободы, теоретик гражданского общества и правового демократического государства англичанин Джон Локк «был одним из крупнейших инвесторов британской работоторговли своего времени. Он также дал философское обоснование отъятия земель колонистами у североамериканских индейцев. Его взгляды на экономическое рабство в современной научной литературе расцениваются то как органическое продолжение антропологии Локка, то как свидетельство её противоречивости»³⁰.

Сегодня довольно широкий спектр расистских, в частности национал-расистских (нацистских), теорий достаточно подробно описан, хотя его описания сами по себе не могут влиять на идейную парадигму социальных и культурных исследований, контролируемых либерализмом и атлантизмом.

Так, например, в книге Пьера Андре Тагиеффа «Цвет и кровь. Французские теории расизма»³¹, которая представляет собой каталог разновидностей расистской идеологии на примере Франции, мы обнаружим перечень концепций расистского мироустройства во Франции XIX–XX веков, в том числе этнорасовый национализм, евгенический расизм социалистической направленности, эволюционный расизм и социал-дарвинизм. Последние два, как легко убедиться, играют ключевую роль в современной неолиберальной доктрине.

³⁰ Джон Локк и его педагогические воззрения. [Электронный ресурс]. URL: http://elenapyyhtia.blogspot.com/2018/06/blog-post_94.html (дата обращения: 07.03.2023).

³¹ Тагиефф П. А. Цвет и кровь: Французские теории расизма / П. А. Тагиефф ; пер. с фр. А. А. Славохотова ; вступ. ст. и примеч. Н. В. Лепетухина. М. : Ладомир, 2009. 238 с.

Исследование П. А. Тагиеффа не даёт повода удерживать понятие «расизм XX века» в национальных границах, то есть представить его как в первую очередь германское или пангерманское явление. Кстати, такая точка зрения сама по себе носила бы расистский характер. Аналогичным образом расистское звучание имеют, например, некоторые положения Ханны Арендт, которая в своих «Истоках тоталитаризма» выдвигала панславистскую теорию коммунизма.

Вместе с тем можно уверенно утверждать, что наиболее активным носителем идеологии расового превосходства является англосаксонский мир. Именно британская колониальная практика стала питательной средой для расистских теорий.

Ещё в 1676 году Уильям Петти в книге «Лестница творения» утверждал, что существует непреодолимое «различие в строении ума европейца и африканца». В 1708 году увидело свет похожее по идейному содержанию сочинение Уильяма Тайсона «Орангутанг, или Анатомия пигмея». Это были первые пробы пера в области расистских теорий, но её изобретателем официально считается Жозеф Артюр де Гобино (1816–1882). В 1850 году увидела свет «Социальная статистика» Герберта Спенсера, который на свой лад стремился оправдать колонизацию в провиденциальном ключе: «Силы, трудящиеся над осуществлением великой схемы совершенного счастья, не принимают во внимание отдельные случаи страдания и уничтожают ту часть человечества, которая стоит на их пути»³².

³² Линдквист С. Уничтожьте всех дикарей. URL: https://royallib.com/read/lindkvist_sven/unichtogte_vseh_dikarey.html#0 (дата обращения: 09.06.23).

Следует вспомнить о Френсисе Гальтоне — между прочим, двоюродном брате Чарльза Дарвина, — который заложил основы печально известной евгеники — новейшей для того времени псевдонаучной доктрины об искусственном отборе людей для улучшения человеческой породы и формирования идеальной расы; о Карле Пирсоне — создателе наиболее радикального, расистского варианта социал-дарвинизма, основанного на так называемой биометрике; о знаменитом докладе Джеймса Ханта 1863 года, в котором автор определил чернокожих как промежуточный вид между обезьяной и человеком.

Необходимо упомянуть и «Политическую географию» (1897) Фридриха Ратцеля, в которой объявлялось, что евреи, цыгане и южноафриканцы, будучи кочевыми народами, не могут предъявлять на жизнь права, аналогичные правам европейцев.

Историк Михаил Магид, перефразируя положения знаменитого представителя левого движения XX века профессора Падуанского университета Антонио Негри, пишет: «Колониальная идентичность действовала посредством логики исключения... Белое, цивилизованное, организованное, продуктивное, разумное здесь противопоставлялось цветному, природному, хаотичному, неэффективному, чувственному, дикому. Как отмечал алжирский исследователь колониализма Франц Фанон, “колониальный мир — это мир, расколотый надвое”. Колонизированные исключены из европейского пространства не только территориально, не только на уровне прав и свобод, но и на основе мышления, ценностей, жизненных целей. Они представлены в мышлении колонизатора в образе “других”, отброшены за границы цивилизации. Конструирование идентичности строится

по принципу “мы — они” и основано на существовании жёсткой границы»³³.

В этом описании вполне точно сформулировано основание расистского мировоззрения, по отношению к которому социальный и экономический либерализм является необходимой легитимирующей надстройкой.

На следующем историческом этапе, в гитлеровской Германии, колониализм принял форму расово-этнической градации, причём некоторые народы Европы оказались в том же положении, в котором прежде пребывали народы мировых окраин. При этом Адольф Гитлер полностью признавал преемственность своих позиций по отношению к взглядам своих идейных предшественников и подчёркивал: «Только у меня, подобно англичанам, хватит жестокости, чтобы добиться цели»³⁴. И позднее, в 1939 году, перед самым началом Второй мировой войны: «Я восхищаюсь английским народом. В деле колонизации он совершил неслыханное»³⁵ — предполагая необходимость достичь таких же высот в покорении не Индии, но России³⁶.

Примечательно, что одновременно с расцветом в немецкой среде гитлеризма в Англии создаётся «британский союз фашистов» под руководством баронета Освальда Мосли (1932 год), поставивший целью решить проблемы «слабых и никчёмных» в том же самом евгеническом и мальтузианском духе.

³³ Магид М. Постимпериализм [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/m/magid_m_n/imperia.shtml (дата обращения: 07.06.23).

³⁴ Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ». Курс лекций, прочитанный в Гейдельбергском университете. СПб. : Академический проект, 2003. С. 30.

³⁵ Там же. С. 32.

³⁶ Hitler A. Mein Kampf trans. London: Hutchinson, 1969. P. 125.

Неудачной попыткой демонтировать колониальный каркас либерального капитализма стало коммунистическое движение прошлого века. СССР формально строился на основе модернистских концепций социализма, но на глубинном уровне негласно опирался на традиционные (общинные) эгалитаристские архетипы русского коллективного сознания. Весь советский период ушёл на преодоление этого противоречия, но в итоге закончился закрытием коммунистического «проекта» в соответствии с волевым решением партийной элиты и фактической колонизацией страны.

Тем не менее, несмотря на неутешительный итог левого проекта, можно утверждать, что сохранившиеся от эпохи колониализма идеологические клише, такие как «бремя белого человека», «инкультурация», «необходимость цивилизовать дикарей», устарели как раз в тот момент, когда набрали силу левые идеи в их аутентичном, не глобалистском и не выдержанном в либеральном духе варианте. Под влиянием марксистских и не-марксистских левых концепций мировое неравенство и социальное угнетение были описаны на языке политэкономии и критики мировых монополий, которые и являются драйверами колониализма.

По мнению Иммануила Валлерстайна, именно русский социализм, в отличие от классического марксизма, под видом классового противостояния разрабатывал идею национального освобождения, а точнее, демонтажа старой колониальной системы в мировом масштабе. Проект изначально возник в рамках политики президента США Вудро Вильсона, позднее получив второе, социалистическое издание. Но при этом, согласно И. Валлерстайну, «ленинизм представлял собой более энергичную

и воинственную форму антиколониальной борьбы, чем вильсонизм»³⁷.

Нацизм, напротив, исторически был нацелен одновременно против деколонизации мира и против способствовавшего этой деколонизации левого активизма (неудавшаяся революция в Германии, «красное двухлетие» в Италии, влияние СССР и т. п.), хотя либеральные неонацисты охотно признают только вторую антитезу. И если об успешности левых проектов социального государства, реализованных в XX веке, можно спорить, то расшатывание мировой колониальной системы и стремление к народной демократии — это бесспорное достижение.

Аналогичная ситуация складывается и сегодня, только в современных условиях колониализм выступает в виде глобализма, а деколонизация — в виде деглобализации и движения к многополярному миру. Примечательно, что сейчас это происходит под воздействием объективных кризисных процессов, а отнюдь не под влиянием левых сил, большая часть которых давно поглощена и нейтрализована либеральным консенсусом, а меньшая хотя и сохранила независимость, но утратила влияние в массах и откатилась на кружковую стадию.

Примечательно, что во времена холодной войны как советская, так и американская пропаганда говорили о противостоянии «двух систем», а не «двух культур» или «двух цивилизаций». Это неслучайно. Само существование советской политической альтернативы (независимо от оценок самого советского проекта) вынуждало использовать более или менее «приличный», сублимированный язык. Но после

³⁷ См.: Валлерстайн И. После либерализма / И. Валлерстайн ; пер. с англ. ; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М. : Едиториал УРСС, 2003. 256 с.

окончания холодной войны, распада советского блока либеральный мейнстрим вновь возвращается к доктрине открытого, а не экономически замаскированного колониализма, яркий пример этого — концепция «противостояния цивилизаций» Самюэля Хантингтона. Это было ремейком дискурса периода Британской Ост-Индской кампании, в ходе которого риторика времён «Империи, над которой никогда не заходит солнце» переводилась на язык социально-политических идеологем новой эпохи.

Идея конфликта цивилизаций вписывалась в более общую и долгосрочную тенденцию во второй половине XX — начале XXI века, когда набрали силу культурные и цивилизационные формы расизма. Статус козла отпущения вместо «нехристианских», «отсталых» и «биологически неполноценных народов» был присвоен «врагам мировой демократии». Место прежних «биологически неполноценных народов» заняли «закрытые тоталитарные общества» и народы, якобы «неполноценные» в гражданско-политическом смысле. Эта тенденция ярко проявилась начиная с 2014 года в политике Украины по отношению к русскому меньшинству, поддержанная англо-американским политическим классом.

В роли главных объектов колониалистских практик оказываются в этих случаях так называемые неконвенциональные субъекты, «не способные» воспроизводить эталонные политико-правовые стандарты, предписанные англо-американским гегемоном, и потому якобы исповедующие «тоталитарные предрассудки». Это различные «враги» глобального миропорядка — страны-изгои, «закрытые тоталитарные общества» и нации, якобы незрелые в гражданско-политическом смысле, и отдельные «диктаторы», а иногда просто люди, нанёсшие вред интересам атлантизма, вроде Джулиана Ассанжа и Эдварда Сноудена.

Новые идеалы расизма распространялись под вывесками «цивилизованного общества», «открытого общества», «общечеловеческих ценностей». При этом вполне очевидно, что жертвам зачисток и фильтраций всё равно, репрессируют ли их во имя расовой чистоты или во имя стандартов «передовой цивилизации» и «демократических стандартов». Кроме того, оппозиция «цивилизационное — этническое» в рамках колониальной политики в значительной степени условна. Иммануил Валлерстайн утверждает, что в период спада и сжатия мировой экономики целые народы выталкиваются из неё как якобы этнически неполноценные, а в период роста и экспансии часть их «впускают» назад. Так, например, Гитлер в военно-политических целях вынужден был причислить японцев к «арийской расе», поскольку союзников полагалось любить вопреки всем данным антропологии и этнологии.

Таким образом, уже в Третьем рейхе на первый план, вопреки сакрализации расового принципа, мог выходить вместо этнического цивилизационный критерий.

Важно также не упускать из виду сложившийся ещё в XIX веке феномен «патерналистического колониализма» — идеологического замещения военной интервенции, которая в ряде случаев становится не слишком выгодной странам экономического центра, поскольку тормозит экономическую активность в зависимой стране и снижает размер колониальной ренты.

Данное явление получило развитие в XX и XXI веках уже в неоколониалистском формате. Оно породило ориенталистский дискурс в культуре, а именно искажённый образ мировых окраин, навязываемый политическими элитами не только западной аудитории, но и самим окраинам — в частности, утрированные формы «патриархальности»,

с одной стороны, и вестернизации, с другой. Эти образы, как правило, направлены на вытеснение идей о внутренней, имманентной эволюции периферийных стран, о «собственном пути модернизации».

Эта практика связана с тем, что интересы западных элит чаще всего требуют сохранить неопределённый, промежуточный статус «периферии» — то есть статус Востока как «недозапада». Именно такой статус обеспечивает беспроblemное извлечение цивилизационной ренты, вывоз капиталов и ресурсов. Поэтому ассимиляция не должна останавливаться, но и не должна иметь логического завершения. В таком мире разделённые части находятся практически на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Вместо хрестоматийного «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись» имеет место ситуация, когда эти два мира не могут ни сойтись окончательно, ни разойтись.

Подобная культурная гегемония достигается как раз с помощью навязывания Другому (глобальному Востоку или глобальному Югу) его ложного образа, то есть намеренно сконструированной, проектной идентичности в рамках западного колониального стандарта. Ярким примером подобной практики является нынешняя Украина.

Активизация такого подхода наблюдалась ещё в 1960-е годы на волне интереса к ориенталистике. Сегодня вызывает интерес новый ориентализм, в рамках которого Запад конструирует для себя «глобальный Восток» с помощью концептов «мира регионов» и «локальных идентичностей» в рамках современной регионалистики.

Проблема симулятивных культурных образов ориентализма и их политизация обсуждается в работах А. Негри, С. Амина, Э. Саида. Эдвард Саид говорит о «ложном образе Востока» и о западной ориенталистике как имперской

дискурсивной практике: «“Ориентализм” чаще всего воспринимали как своего рода голос порабощённых (обездоленные всего мира вдруг заговорили), нежели как мультикультуралистский и одновременно критический анализ власти, использующей знание для расширения своего влияния. Таким образом, я в качестве автора исполнял предписанную мне роль: быть саморепрезентацией того, что прежде было подавлено и искажено в научных текстах, составляющих дискурс, исторически обращённый не к народам Востока, а всё к тому же Западу»³⁸.

Так мимикрирует неоколониализм в «сложном, меняющемся мире».

³⁸ Саид Э. Ориентализм / Э. Саид. М. : Русский Мирь, 2006. С. 519.

Глава 5. Общее идеологическое поле нацизма, расизма и либерализма: единство аксиологии и антропологии

Режим 1930-х годов в Германии — законный ребёнок европейского либерального капитализма. Этот очевидный факт всегда вызывал когнитивный диссонанс в самосознании европейского обывателя, потому что начиная с 1940-х годов данная тема подвергалась вытеснению из общественного сознания.

К сожалению, это вытеснение имело место не только в Западной Европе и США, но и в СССР. В Советской России регулярно озвучивался нарратив о победе над Гитлером «антифашистской коалиции», состоящей из СССР и «демократических стран» (США, Великобритания, Франция). А на Западе в то же самое время (и эта синхронность примечательна) постоянно звучал совсем другой нарратив — о «противостоянии демократического Запада двум видам тоталитаризма».

Лишь сегодня, в условиях глубочайшего кризиса протестантского капитализма, начинается медленное осознание того, что либерализм не просто склонен к фашизации, но и является респектабельной формой расистско-нацистского, социал-дарвинистского мировоззрения.

В 2010-х годах некоторые критически настроенные интеллектуалы принялись очень медленно и нехотя обращаться к данной теме. Лишь спустя немалое время после этого в независимой, или, как иногда говорят, в «неосёдланной», новой левой мысли устоялось определение возрождённого нацизма как негативной легитимации неолиберальной гегемонии. Но тема вскрытия нацистско-расистских

оснований либерализма пока ещё не спустилась на средние и нижние этажи общественного сознания, не стала доступна обывателю, не перешла в разряд массовых убеждений и коллективных мемов, да и её легитимизация в академической сфере до сих пор буксует, выводится за рамки допустимого дискурса идеологическими технологами и влиятельными представителями социальной науки Запада.

Тем не менее объективная социально-политическая реальность постоянно напоминает о том, что человечество переживает период саморазрушения протестантского либерального капитализма, в ходе которого либерализм открыто самоотжествляется с новыми формами нацизма. Это момент окончательного срывания масок.

Ещё несколько лет назад российский публицист Дмитрий Бабич писал: «Сегодня нацизм часто обходится без свастики и без прославляющих Гитлера салютов: современный украинский нацизм бывает прилизан и начитан, он любит щегольнуть цитатой из Черчилля, Гавела и даже Варлама Шаламова, в кармане у него часто имеется диплом европейского вуза с приглашениями на кучу конференций — варшавских, лондонских, берлинских. Этот нацизм бывает... интеллигентен и либерален. ...современных украинских нацистов привели к власти западные и отечественные либералы»³⁹.

В 2022–2023 годах на знамя либерал-нацизма вернулись и свастики и прославление Гитлера и гитлеровцев. Стало совершенно очевидным объективное мировоззренческое и политическое тождество либеральной

³⁹ Бабич Д. «Новая» Могиланка: из «борьбы с москалями» — безбожие [Электронный ресурс]. URL: http://www.religare.ru/2_104653.html (дата обращения: 05.04.2023).

и нацистской идеологий. Либеральные группы оказывали всемерную поддержку Киеву в войне с Россией и русскими, фактически воевали на стороне открытого нацизма. Так волей истории состоялось то, что называется в науке «решающим экспериментом». Он стал новой точкой разделения в современной идеологии. Многолетняя иллюзия окончательно развеялась.

Некоторой частью российского общества этот факт до сих пор воспринимается как некое откровение. Но никакого откровения здесь нет. Либерал-расистский комплекс идей проходит через несколько веков европейской истории. Можно уверенно констатировать наличие фундаментальной общности между нацизмом, расизмом и либеральной демократией, составляющими, как показало начало нынешнего столетия, единый ценностно-антропологический кластер.

Базовая аксиология (ценностная система) нацизма, расизма и либерализма включает в себя принцип разделённого мира и градации «человеческого материала». Поэтому в ходе своего развития на одном этапе либерализм может превозносить индивида в ущерб другим индивидам (классический либерализм), на другом — превозносить одну нацию в ущерб другим (принимая в этом случае форму нацизма), на третьем — противопоставлять «цивилизованные общества» «недочеловекам с тоталитарным сознанием» (культур-расизм), как это было с сербами и жителями Донбасса, на четвёртом — противопоставлять «гражданское общество» «негражданскому» (социал-расизм). Всё это разные формы и варианты одного и того же идеологического дискурса.

В действительности, как уже отмечалось, в реальной, а не вымышленной исторической практике либерал-расизм

определяется римской идеей противостояния «цивилизации» и «варварства», то есть мифологией превосходства. Но если у древних римлян субъектность варваров была величиной постоянной — всем было ясно, кто такие варвары, где они живут и откуда могут прийти, — то в рамках современных либеральных доктрин (например, атлантистской политической доктрины США и их союзников) кандидаты на роль варваров определяются назначающим жестом, в зависимости от сиюминутных политических интересов правящих элит. Например, в 1997 году это были сербы, после 11 сентября 2001 года — Ирак, Ливия, Сирия, в 2014 году — Россия и этнические русские.

«Варвары» с точки зрения либерал-нацизма имеют двойной статус. Это люди, неполноценные с точки зрения идеологии и лишние люди с точки зрения прагматики и целеполагания. Следовательно, их надо маргинализировать, девальвировать их ценности и в конечном счёте уничтожить. Важное обстоятельство заключается в том, что нацизму и либерализму, в отличие, например, от коммунизма, человеческая личность с её взглядами и особенностями не нужна даже как объект подчинения — им нужно, чтобы её не было, чтобы после неё осталась terra nullius — ничья земля. «Лишняя» личность заселяет лакомую территорию и вместе с тем является звеном в пищевой цепочке, материальным ресурсом.

Вот яркий пример. 2014 год, деокупация Крыма ещё не произошла⁴⁰, полуостров пока во власти киевского ре-

⁴⁰ Украинская оккупация Крыма фактически началась ещё в условиях советского времени. На заседании Политбюро СССР от 9 июля 1987 года М. С. Горбачёв, отвечая на вопрос В. М. Чебрикова, говорит: «То есть ты считаешь, что Крым должен опять стать частью РСФСР, как по декрету Ленина? А ведь помнишь, Подгорный требовал, чтобы Краснодар и Кубань отдали Украине? Потому что казаки — это,

жима. Телебозреватель крымского «Нового канала» Олег Крючков вспоминает: «Мы снимаем митинг возле Верховного Совета, я пишу текст: “Крымские татары переиграли русских тактически и пришли на два часа раньше”. Отправляю в Киев. Приходит правка: “Крымские татары переиграли пророссийски настроенных украинцев”. Я говорю, мол, подождите, люди шли на митинг с плакатами на русском языке — они чётко позиционировали себя как русские. Главный редактор Максим Дыбенко мне отвечает, что на Украине не существует русских — русские живут в России. А на Украине есть только пророссийски настроенные украинцы. В России, говорю ему, живёт больше 200 национальностей, и всё это россияне. Мне ещё раз было сказано, что в Украине русских быть не может. На что я спросил, мол, если я по национальности русский, а не пророссийски настроенный украинец, живущий в Крыму, то у меня нет национальности? Мне заявили: значит, нет. Интересно, говорю, почему же тогда, в отличие от русских, крымские татары могут быть на Украине? В ответ было сказано, что крымские татары — это идиома. Интересно, знают ли крымские татары, что их на Украине считают идиомой?»⁴¹

Русские в Крыму, как и в целом на Украине, оказались «лишними» людьми. В какой-то момент это было заявлено прямым текстом и подтверждено репрессиями.

по его мнению, украинцы. Наверное, с исторической и политической точки зрения было бы правильно вернуть Крым в Россию. Но Украина встанет горой... Передача Украине Крыма, конечно, произвол. Но как теперь давать обратный ход?» (Архив Горбачёв-Фонда, фонд 2, опись 3, запись А. С. Черняева).

⁴¹ Зеркало Крыма — Признания опасного человека [Электронный ресурс]. URL: http://zerkalokryma.ru/lenta/people/interview/klan_dolzhen_byt_odin_krymchane/ (дата обращения: 14.08.2014).

«Лишний» человек в нацизме и либерал-расизме — это всегда неполноценный, инфернальный субъект, недочеловек (*der Untermensch*), например враг немецкой нации, враг демократии и прогресса, враг европейских ценностей. Именно в связи с этим на него не распространяются критерии добра и зла, ведь он якобы угрожает самим этим критериям и их носителям. Поэтому на «лишних людей», в целях их устранения, не распространяются привычные моральные нормы. Причём этот акт оформляется как исключение из правила, которое якобы должно не отменить, а лишь укрепить общественную мораль в целом.

Но для того чтобы в порядке исключения, локально и ситуативно, отменить моральные нормы, своего оппонента необходимо расчеловечить в глазах общества. Поэтому либерал-нацизм всегда прибегает к этому методу. Например, на Украине роль «унтерменшей» играют этнические русские, которых сравнивают с насекомыми («колорадами») и в прямом эфире требуют уменьшить их «поголовье».

В 2014 году на украинском интернет-канале *hromadske.tv* прозвучало предложение украинского журналиста Богдана Буткевича⁴²: убить 1,5 млн «неправильных» жителей Донбасса. «Неправильные» — значит, лишние. Позднее украинский премьер Арсений Яценюк открыто называл жителей Донецка и Луганска «недолюдьми», а персоны менее публичные были ещё откровеннее, называя сгоревшую в одесском Доме профсоюзов сторонницу антимайдана «жареной самкой колорада».

⁴² Богдан Буткевич. Всё просто, нужно убить 1.5 млн жителей Донбасса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mhYyj5l9Lx0> (дата обращения: 05.04.2023).

Депутат Верховной рады Украины, член парламента, государственное лицо Иван Стойко на заседании парламента заявил, что его страна ведёт войну с «монголоидной расой». Так говорит. Вот как начиналась расовая война. В июне 2014-го в Сеть было выложено видео, снятое одним из жителей Луганска после авианалёта. На кадрах запечатлена смерть пожилой женщины — явно не в том возрасте, чтобы считать её активным членом ополчения. Несколько мгновений она ещё шевелится, ещё пытается говорить. Но камера идёт в сторону, и мы понимаем, что ниже пояса от неё ничего не осталось. Комментарии украинских юзеров под этим видео шокируют: «Шашлык из колорада, отлично»; «Самка колорада сдохла, день не прошёл зря!»; «Вот с такими новостями приятно засыпать! Всем спокойной ночи, слава Украине!»⁴³

Идею зачистки восточных территорий от «недолюдей» киевский «рейх» перенял у германского «рейха» ещё в период Второй мировой войны, и теперь она получила второе рождение.

В германском варианте нацизма мы легко найдём идею изменения этнического состава «восточных территорий», которые, по мнению геббельсовских пропагандистов, заселены преимущественно людьми с «азиатским сознанием». Эта идея вылилась в геноцид евреев и восточных славян, в особенности русских (см. гл. о «восточном

⁴³ В 2014 году Мониторинговая миссия Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) обнародовала доклад о нарушениях прав человека на Украине за период с 7 мая по 7 июня 2014 года. Доклад объёмом в 58 страниц констатирует, что нарушения прав человека на востоке страны включают в себя похищения, задержания, пытки и убийства. Чаще всего эти действия совершают военные. Нередко жертвами произвола силовиков становились журналисты, которые работали на востоке Украины.

вопросе» в «Mein Kampf» и брошюру «Der Untermensch» («Недочеловек»)⁴⁴.

Аналогичные процессы происходили и в Югославии. Во втором номере «Журнала Московской Патриархии» за 1949 год был опубликован отзыв на книгу профессора Белградского университета Виктора Новака «Полвека католицизма в Хорватии». Выдержки из неё дают представление о сути проблемы: «...После оккупации Югославии и основания “Независимой Хорватской Державы” клирофашисты, поддерживаемые папой, Гитлером и Муссолини, решили, что пришёл их час, и стали превращать Хорватию в “Civitas Dei”, а на самом деле в царство великого инквизитора, в папскую вотчину, в которой нет места православным... Клирофашисты, объединившись с организациями усташей и крижаров и руководимые католическими митрополитами Загребским Степинацем и Сараевским Шаричем, приступили к самому варварскому искоренению православных сербов. Около полумиллиона их было невероятно жестоким образом перебито, до 300 тысяч было насильями и угрозами обращено в католичество, сотни тысяч ограблены и изгнаны в Сербию, а оставшиеся должны были носить на руке голубую ленту с буквой “П”, то есть “Православный”, или делать на окнах своих жилищ надпись: “Грековосточный” — и быть на положении бесправных рабов, которых всякий мог безнаказанно убить или ограбить. С особенной яростью обрушились клирофашисты на православные храмы и православное духовенство. Для разрушения православных храмов было организовано

⁴⁴ Der Untermensch. Herausgeber: Der Reichsführer-SS SS-Hauptamt. Berlin, 1942 [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/lib/untermensch.htm> (дата обращения: 14.08.2014).

специальное учреждение: “Уред за рушеньє православных црква”. Почти все православные храмы были разрушены или сожжены, или обращены в католические. Например, на территории униатской Крижевацкой епархии все православные храмы и часовни были обращены в католические. Оставшиеся на территории Хорватии православные епископы и сотни священников были или убиты, или изгнаны в Сербию...»

Всем в Европе известна история жёлтых шестиконечных звёзд, которыми гитлеровцы помечали евреев. Такую звезду в знак солидарности с жертвами когда-то, по преданию, надел на себя король Дании. Но мало кто знает, что означает упомянутая голубая лента с буквой «П», надетая на рукав, — потому что диспетчерам либерального миропорядка крайне нежелательно, чтобы об этом знали.

Приведённые примеры иллюстрируют ключевой принцип нацизма и расизма, основанный на логике градации «человеческого материала»: есть люди и есть недо-люди⁴⁵. Причём нацизм предполагает преимущество своих идей в рамках общей культурной матрицы западного мира эпохи модерна. В настоящее время концепт «неполноценности» обычно оформляется как цивилизационный, как противопоставление «тоталитарным субъектом» самого себя «ценностям общечеловеческой цивилизации» и «ходу истории». Именно так звучали заявления Барака Обамы о том, что Россия находится на «неправильной стороне истории». Точно знать, где «правильная сторона истории», — почётная прерогатива *Das Herrenvolk* — «расы господ».

⁴⁵ Отсюда понимание украинской элитой европеизма как теории цивилизационной исключительности, а войны на Востоке — как «конфликта менталитетов» (термин украинского МИДа).

Другой принцип либерал-расистской идеологии, очищенной от псевдodemократических декораций, — это социал-дарвинизм, то есть поддержка законов естественного отбора, характерных для животного мира, в человеческом обществе. Эта мальтузианская и ницшеанская позиция породила принцип тотальной конкуренции, имеющий в доктринах либерализма межиндивидуальный формат, который нацисты перенесли на межэтнический уровень, что сместило фокус рассмотрения, но не изменило суть мировоззрения.

Такова либерал-расистская аксиология. Наряду с единой аксиологией легко реконструируется и единая антропология либерализма, нацизма и расизма. На фоне декларативной значимости «частной личности» культивируется техногенный взгляд на человека и культуру. Этот взгляд ведёт к обесцениванию подлинной человеческой личности, как на индивидуальном уровне, так и на микро- и на макросоциальном уровнях. Происходит редукция реальной личности к условно-абстрактному «индивиду», что стало особенно отчётливо видно в цифровую эпоху.

Но расистские установки нуждаются в легитимации и требуют правдоподобного и внешне пристойного теоретического обоснования. Поэтому нацистско-расистское ядро либертианских концепций получает концептуальный «защитный пояс» в виде либеральных и леволиберальных идей и установок. Развитая «философия свободы», концепция «естественного права» и т. п. — всё это теоретический камуфляж, выполняющий функцию рационализации в системе основополагающего мифа либерал-нацизма — мифа о естественном происхождении неравенства, будь оно социальным, культурно-цивилизационным или этническим: все эти формы легко

конвертируются друг в друга как в поле активной пропаганды, так и в реальной политике.

Важным элементом концептуального защитного пояса расизма является секулярно-протестантская трактовка категории свободы, в частности — центрального для либерализма концепта «фундаментальных прав и свобод», чьи теоретические основания, если присмотреться к ним внимательно и без квазирелигиозного пиетета, являются очень слабыми.

С точки зрения французского философа Алена де Бенуа, дискурс прав человека столь же широко распространён, сколь и непрозрачен в своих основаниях. Фактически он подменяет собой и нравственные нормы, и писанные законы, да ещё и становится неким подобием учебной дисциплины, которая преподаётся в вузах, хотя и абсолютно лишена общезначимых научных оснований. Таким образом, либеральная концепция прав и свобод без малейших на то причин «начинает претендовать на статус научной теории»⁴⁶. И хотя научная верификация идеи «врождённых» прав и свобод просто невозможна, но и отказаться от привилегированной, гегемонистской позиции её сторонники не желают: в итоге эта идея приобретает квазирелигиозное звучание.

И это вполне закономерно. Либерализм по умолчанию оставляет за собой права на внутренние противоречия, на иммунитет против критики, право не «опускаться» до дискуссий — на том основании, что он якобы охватывает «всю полноту достижений человеческой мысли», «нормы человеческой цивилизации». Этот либеральный неогнозис во

⁴⁶ Бенуа де А. Против либерализма. К четвёртой политической теории / А. де Бенуа. СПб. : Амфора, 2009. С. 357.

времена классического либерализма ещё был до некоторой степени ограничен влиянием христианской морали, но в XX–XXI веках на фоне радикальной дехристианизации Запада окончательно превратился в феномен секулярной религиозности.

Голоса против религиозации либеральной философии права, конечно, раздавались, в том числе на достаточно высоком уровне, но были заглушены либеральным истеблишментом. Исторические и юридические предпосылки для пересмотра идеи фундаментальных свобод были показательно проигнорированы официозом.

Так, ещё в 1948 году в ходе принятия «Всеобщей Декларации прав человека» Генеральной Ассамблеей ООН в процессе обсуждения документа произошёл раскол. Группа учёных Американской антропологической ассоциации во главе с Мелвиллом Херсковичем выступила с особым Меморандумом, в котором отвергался глобалистский вариант концепции прав человека. Утверждалась культурная специфичность категорий свободы и права в разных культурах и звучало требование ввести в Декларацию принцип множественности вместо несуществующих единых «общемировых стандартов». Разумеется, миссия группы Херсковица была предана забвению.

Либерал-расистский проект есть проект «глобального мира», его экспансионизм вытекает из самой природы капитала, для которого перестать расширяться означает перестать существовать. Но экспансионистские цели требуют внешней легитимации. Потребность в легитимации насилия ведёт к конструированию вспомогательной доктрины абсолютного зла. Отсюда появляются, с одной стороны, такие понятия, как «ось зла», «империя зла» и т. п., а с другой — внутренне противоречивые формулировки:

«гуманитарные бомбардировки», «принуждение к миру», «позитивная дискриминация» и т. п.

Стремление «отмежевать “доброкачественный” либерализм от его злокачественных последствий наталкивается не только на исторические, но и на морально-этические контраргументы. Ведь у любого критически мыслящего человека возникает вопрос: почему “свободная конкуренция” (то есть борьба за выживание) допустима внутри либерального консенсуса, но такая же свободная конкуренция между нациями, классами или социальными системами дурна и непозволительна? В чём принципиальная разница?»⁴⁷

В силу этого глубинного противоречия либерал-расистской доктрины тема денацификации в либеральном обществе столь же симулятивна, как и многие другие «внешние», демонстративные институты и идеологемы, и не имеет подлинного социального содержания — точно так же, как, например, идея «свободного рынка» обнаруживает свою теоретическую ничтожность на фоне санкционной политики после начала Специальной военной операции и взрыва газопроводов «Северный поток» в 2023 году.

Популярный вопрос: «можно ли писать стихи после Освенцима» (Теодор Адорно) или так называемое богословие после Освенцима (Дитрих Бонхеффер) и тому подобные фигуры леволиберальной мысли использовались и используются, как показало начало 2020-х годов, отнюдь не в целях реальной денацификации. Их подлинное назначение связано с продвижением социал-конструктивистских идей,

⁴⁷ Белжеларский Е. Логика и смысл современного либерализма // Перелом. М. : Пробел, 2013.

настаивающих на иллюзорном («воображаемом»⁴⁸) характере государства, традиции, нации.

Пытаясь представить традиционные исторические общности как сконструированные «воображаемые сообщества», социальный конструктивизм нередко использует как точку отправления нацистскую идеологию. Но при этом совершается подмена тезиса: к идее национально-расового превосходства сознательно присоединяется весь спектр идей, связанных с национальным самоопределением и национальной независимостью⁴⁹. Под видом отрицания нацизма девальвируются концепты нации и народа в надежде представить их механическими элементами в составе глобалистской мозаики.

Одновременно с этим в новых неоколониалистских проектах в целях свержения на Ближнем Востоке так называемых светских диктаторов (на самом деле умеренно авторитарных лидеров, типичных для этого региона) либерал-расизм использует самые радикальные фундаменталистские силы. Например, за американские интересы против Башара Асада в Сирии воевала «Аль-Каида», а на Украине геноцид этнических русских проводят последователи бандеровцев и УНА-УНСО, в связи с чем напрашивается вывод о глубоком идеологическом родстве исламского фундаментализма и либерал-расизма, являющегося социальным продуктом западного протестантского фундаментализма.

Вопрос о проявлениях языческого сознания также имеет существенное значение для характеристики идеологии

⁴⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. П. Баньковской. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.

⁴⁹ Другая подобная подмена связана с попытками обоснования мнимой общности «фашизма и коммунизма».

либерал-расизма. Классическое язычество, как и языческий этнофутуризм, — это элемент культуры, законсервированный и встроенный в систему техногенного модерна и постмодерна. Техногенная культура позднего либерализма порождает собственные формы неоязычества, прежде всего это товарный фетишизм, технокульты, цифровое сознание и в целом гетеродоксия — фрагментарное, «множественное» сознание постмодерна, являющееся современным когнитивно-психологическим аналогом древнего политеизма. Ярким проявлением современного неоязычества является ассимиляция христианского сознания под потребности глобального рынка и секулярной гетеродоксии.

Иначе говоря, расистский комплекс идей есть радикальная и открытая форма либерализма, уже не прикрывающегося правовыми институтами и доводящего свой общий с либерализмом «принцип тотальной конкуренции» до логического конца. Это хорошо заметно, если рассматривать либеральный дискурс в целом, а не выделять из него правозащитную тематику. Такой целостный, системный подход является сегодня самым продуктивным для анализа нацистско-расистских основ классического и современного либерализма.

Глава 6. Общепротестантский фактор формирования европейского комплекса превосходства

Либерально-капиталистическая система нередко преподносится как «золотой стандарт» всемирного общественно-исторического развития. Макс Вебер, сформулировав концепт «протестантской этики и духа капитализма», подтвердил тем самым вполне конкретную культурную принадлежность «общечеловеческих институтов».

Иными словами, якобы общечеловеческая либеральная модель представляет собой лишь радикальную форму секуляризированной протестантской культуры. Поэтому в современном мире растёт понимание того, что он имеет дело отнюдь не с общечеловеческими ценностями как таковыми, а с их идеологической протестантско-фундаменталистской трактовкой. Так, например, «невидимая рука рынка» в современном коллективном сознании является субститутом провиденциализма, инвестиции — субститутом благодати, экономический успех — аналог протестантской избранности ко спасению (ключевой элемент кальвинистской доктрины «двойного предопределения»). Протестантская культура на протяжении веков стремилась выступать в роли носителя «общечеловеческих» дефиниций, монополизировать своё толкование человеческой истории и вывести из него общеобязательные социальные нормы — «демократические стандарты», «фундаментальные права и свободы» и т.п.

Таким образом, исторические корни европейского комплекса цивилизационного превосходства уходят в религиозную сферу.

Одна из форм этого комплекса связана с кальвинизмом и учением о «двойном предопределении» (Ж. Кальвин,

К. Барт, Р. Нибур и др.). Смысл учения заключается в том, что одни люди изначально избраны ко спасению, а другие — к осуждению и падению⁵⁰: «Предопределением мы называем предвечный замысел Бога, в котором Он определил, как Он желает поступить с каждым человеком. Бог не создаёт всех людей в одинаковом состоянии, но предназначает одних к вечной жизни, а других к вечному проклятию. В зависимости от цели, для которой создан человек, мы говорим, предназначен ли он к смерти или к жизни»⁵¹. Вполне очевидно, что это — религиозный прототип более поздних теорий национального, культурного и социального неравенства.

Другая форма европейского комплекса исключительности возникла в XVII веке в среде английских пуритан⁵² и является синтезом собственно протестантского религиозного и английского национального шовинизма.

Так складывался протестантский фундаментализм, который в начале колониалистской эпохи получил и социальное и социально-экономическое измерение.

Это измерение возникало по мере того как в рамках протестантской культуры сформировался идеал так называемой мирской аскезы. На первом этапе, по мере общей секуляризации общества, он превратился в прагматический

⁵⁰ В рамках православной точки зрения здесь неизбежно возникает вопрос: за кого умер Христос — за всех или за избранных?

⁵¹ Кальвин Ж. Наставление в христианской вере / Ж. Кальвин. М. : Изд-во РГГУ, 1998. Т. 2. Кн. III. Немцев В. С. Собранные во имя любви и истины / В. С. Немцев. Минск : Церковь Пробуждение, 2007. С. 351.

⁵² См.: Адамова Н. Э. Идеи «исключительности» в представлениях английских пуритан и сепаратистов накануне эмиграции в Новую Англию (первая треть XVII в.): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Н. Э. Адамова; [Место защиты: Санкт-Петербургский институт истории РАН]. СПб., 2015. 251 с.

идеал «экономии усилий» (service ideal). Спустя довольно короткое время этот идеал стал восприниматься западными элитами в самом комфортном и «незатратном» смысле — как переложение этих самых «усилий» на представителей «нецивилизованной» части человечества (варваров). Можно назвать этот концепт принудительной аскезой. С точки зрения нагруженной богословскими тезисами идеологии того времени, служение Богу «непросвещённых», «нецивилизованных» народов, равно как и социальных низов, заключалось как раз в освобождении белой части человечества, то есть «нового» избранного народа, — от жизненных тягот.

Таким образом, либерал-расистская концепция общества, следуя идее «экономии усилий», с самого начала допускала возможность в рамках своей «философии свободы» переложить на кого-то бремя не-свободы и несправия — то есть включить в свой проект сакральную жертву, которую позволительно использовать как историческую плату за социальный прогресс «лучшей» части человечества.

Таков колониалистский идеал, впоследствии в условиях англо-протестантского доминирования ставший важнейшим культурным кодом Европы — порабощение нецивилизованных ради развития цивилизации.

Право на порабощение со времени классического колониализма обосновывается как некий обмен: возможность развития и плата за неё. В связи с этим возникает парадоксальный образ всемирного «университета свободы», платой за обучение в котором является свобода реальная, свобода «здесь и сейчас». Так формируется главный принцип либерализма: угнетение ради свободы (ср. «принуждение к миру», «гуманитарные бомбардировки» и другие аналогичные идиомы нашего времени) — который можно

сравнить со знаменитым парадоксом Джорджа Оруэлла из романа «1984»: «Война — это мир, свобода — это рабство, незнание — сила».

Для утверждения и защиты этого двойного стандарта, или, как называют его философы, легитимированного парадокса, используются аксиомы о якобы неизбежности существующего порядка, о неготовности некоего субъекта получить полноправный статус, о необходимости неравенства в рамках «позитивной дискриминации» и т. п.

Но главным оправдательным мотивом всегда являлся и является мотив предотвращения некой угрозы миропорядку, исходящей от исторической сакральной жертвы: от населения СССР, Югославии, Новороссии, мусульман, христиан-традиционалистов, «популистов», сторонников «незрелой» демократии и проч. — иначе говоря, от «неправильной» части человечества.

Градация людей и их свобод позволяет либеральным элитам извлекать цивилизационную ренту — плату за развитие, за «политический мастер-класс» и тому подобные эфемерные компетенции. Эта технология требует инфантилизации зависимых субъектов, например возложения на них груза исторической вины за какие-то события прошлого. Ощущение коллективной вины создаёт серьёзное препятствие для генерирования собственных экзистенциальных смыслов и понимания своей исторической роли.

Изменение модели развития современного мира, деглобализация и переход к многополярности неизбежно приведут к падению гегемонии протестантского культурного фундаментализма и к кардинальной перестройке всех связанных с ним социально-политических институтов.

Глава 7. Английский фактор формирования европейского комплекса превосходства

Либеральный капитализм является англо-американской моделью миропорядка, но его мультирасистская идеология выступает как метанарратив (или «привилегированное означающее» — в терминах Ж. Деррида) современной культуры. Её адепты, объявив себя носителями дефиниций «общечеловеческого», претендуют на роль носителей дефиниций всей мировой цивилизации и истории.

Однако религиозное поклонение «титულიной» англо-американской культуре начинает ослабевать. Поэтому в самом ближайшем будущем современный либерал-расизм будет предметом уже не только социологического и политико-идеологического, но и культурологического, этнокультурного изучения. В ходе этого изучения придётся учитывать (а не замалчивать, как прежде) очевидный факт: расистские концепции XIX–XX веков, как и современные мультирасизм и неонацизм, имеют британское происхождение.

Ранним и очень важным источником нацистско-расистского ядра модернистских идеологий являются особенности менталитета английских пуритан XVII века. Именно в это время начал складываться британский комплекс исключительности⁵³ (не следует смешивать понятия цивилизационной исключительности и цивилизационной уникальности: уникальны все в равной мере,

⁵³ См.: Адамова Н. Э. Идеи «исключительности» в представлениях английских пуритан и сепаратистов накануне эмиграции в Новую Англию (первая треть XVII в.): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Н. Э. Адамова; [Место защиты: Санкт-Петербургский институт истории РАН]. СПб., 2015. 251 с. С. 62.

исключительность же предполагает превосходство). В мировоззренческом отношении эта пуританская идея напоминает описанную ранее кальвинистскую доктрину двойного предопределения. Но на английской почве данный мотив получает собственную аранжировку — включает идею исключительной роли Англии и английского народа в истории Церкви⁵⁴. Продолжением этого направления мысли в 1610–1620-х годах становится трактовка англосаксонских пуритан как «нового избранного народа», а Америки — как новой «Земли Обетованной». Таким образом, можно констатировать, что нарастание идей мессианства и религиозного превосходства в коллективном сознании определённой части англичан сопровождалось усилением ветхозаветных мотивов и трактовок.

Новоанглийские историки XVII века (Э. Джонсон, У. Хаббард, К. Мэзер и др.) изображают колонистов как некий новый избранный народ, совершивший по воле Бога свой «исход» из Англии, чтобы оградить истинную религию от посягательства Антихриста.

Интересно, что сама идея «второго избранного народа» не казалась пуританам ни абсурдной, ни пародийной. Но именно наложение мотива новой избранности на привычный христианский идейный комплекс позволяло вывести на британской почве представление об исключительности и особой миссии англичан не в последнюю очередь в самом христианском мире. Эта миссия на первых порах обозначалась как очищение христианства от влияния идей Антихриста. В полемике пуритане нередко сравнивали своих религиозных оппонентов с сатаной.

⁵⁴ Там же. С. 106.

Группа так называемых сепаратистов, ещё более радикальных, чем обычные пуритане, подчёркивала единство «истинных реформатских церквей», стремясь отделить себя и своих детей от «ложных церквей», — именно от концепта «отделения» (*separatio*) и происходит «сепаратизм».

Характерно, что мотивы «исхода», «Земли Обетованной» и «города на холме» были использованы и в качестве метафоры внутреннего «пути ко спасению» и одновременно в качестве основания для отчуждения англичанами индейских земель — что уже можно рассматривать как складывание религиозного базиса колониализма.

Пуритане XVII века полагали, что Господь заключил с английским народом «ковенант» (договор), выделив таким образом его из числа европейских народов в качестве избранного. Эта исключительность трактовалась одновременно как бремя ответственности перед другими народами — наряду с дарованной Богом властью. Трудно удержаться от параллели с американским радикальным протестантизмом XX века, в частности с течением диспенсационализма, закрепляющим за англо-американскими протестантами тот же статус «второго избранного народа», а за Америкой идею *Manifest Destiny* (проявленной судьбы).

Строго говоря, после предпринятого «исхода» в Америку уже можно говорить не об английской, а об англо-американской идее.

Примерно в это же самое время возникают первые признаки обмирщения пуританской доктрины. Так, например, историк Дж. Бэнкрофт, основатель «романтической» школы американской историографии, тогда же, в XVII веке, описывает пуританизм как «предтечу демократии», поскольку он опирается не на духовенство, а на «христианский народ». В конечном счёте это означает

политический суверенитет как высшую религиозную ценность, связывая его, однако, именно с ветхозаветным общественным идеалом. Параллельно формировалась и экспансионистская установка. Как шутили историки XVII–XVIII веков, «пуританин, который не лезет в чужие дела, — это оксюморон».

Как нетрудно заметить, религиозные предпосылки расистского мышления сочетаются с быстрым и радикальным развитием глобального капитализма и обслуживающей его либеральной идеологии — как раз тех явлений, которые в Англии как ведущей колониальной державе проявились наиболее ярко. Постепенно стандарты британской мысли, включающие мифы национального превосходства, мессианиззм, социал-дарвинизм и прогрессистский универсализм, становятся идеологическим фоном, идейной средой, в которой формируется общеевропейское и американское общественное и политическое сознание. Особенно явно эта зависимость проявилась в контексте колониалистской политики.

Ещё одним важным источником, помогающим в анализе европейских истоков расизма и либерализма, может служить широко известная книга «Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской “расе господ”» историка Мануэля Саркисянца⁵⁵. Материалы этой книги позволяют говорить уже о нацизме и расизме XX века как о явлениях, которые имеют британские корни, но при этом внутренне присущи всей западной культуре эпохи модернити.

⁵⁵ Саркисянец М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ». Курс лекций, прочитанный в Гейдельбергском университете / М. Саркисянец. СПб. : Академический проект, 2003. 400 с.

Так, например, в кайзеровской Германии подражание британским стратегиям было положено в основу собственной политики, и это касалось не только административно-военных мер в колониях — влияние было значительно более глубоким, речь шла о многоаспектном мышлении в расистском духе. Карл Петерс, один из первых немецких государственных деятелей, отвечавших за колониальный курс в Африке, заявлял: «Я всегда ссылался на британскую колониальную политику как на важнейший фактор»⁵⁶. Он восхищался тем, что «многие сотни тысяч людей в Англии могут наслаждаться досугом, потому что на них работают многие миллионы представителей чужих рас» <...> «происходящее в Британской империи всегда интересует нас в первую очередь: ведь там... наши наставники...». Это его мировоззрение, по его словам, сформировалось за время его пребывания в Англии и помогло ему стать крупным политиком: «Каждый день пребывания в лондонском Сити... давал мне новый конкретный урок колониальной политики»⁵⁷.

Одна из несомненных удач книги Саркисянца состоит в том, что автор отыскал в либеральном мировоззрении именно тот смысловой слой, который является переходной зоной между этническим и социальным расизмом. Так, ещё в 1850 году, пишет Саркисянец, «эдинбургский профессор анатомии Роберт Нокс... стал приписывать ирландцам целый ряд качеств, несовместимых с чертами среднего класса», то есть определил ирландцев (шире — кельтов) как экономически несостоятельную расу. По мнению Нокса,

⁵⁶ Там же. С. 30.

⁵⁷ Там же.

«источник всех бед Ирландии кроется в расе, кельтской расе Ирландии... Следует силой изгнать эту расу с земель... они должны уйти. Этого требует безопасность Англии»⁵⁸.

Мануэль Саркисянц подчёркивает, что «только в Англии расистская идеология вытекала непосредственно из национальной традиции: мало того что последняя была ветхозаветно-пуританской — ситуацию усугубляло и восприятие социального неравенства как части английского культурного наследия (низы испытывали благоговение и уважение к верхам, а верхи относились к ним с презрением)»⁵⁹. И здесь же, ссылаясь на мнение Ханны Арендт, он утверждает, что сословное неравенство воспринималось почти как неотъемлемая характеристика английского национального характера. Именно «общественное неравенство было основной и характерным признаком специфически английского общества, так что представление о правах человека, пожалуй, нигде не вызывало большего раздражения»⁶⁰.

Особый интерес представляет роль «правозащитной» и «антидискриминационной» риторики в либерал-расизме. Этот элемент также внесли в либерал-расистский колониалистский дискурс представители английского, а позднее и американского истеблишмента. Ещё в период англо-бурской войны возникла необходимость в градации собственно колониалистских практик — бурских и британских — на «плохие» и «хорошие». Для этого был впервые задействован дискурс «защиты прав и свобод»,

⁵⁸ Там же. С. 26.

⁵⁹ Там же. С. 95; см. также: Thost. Als Nationalsozialist in England (München, 1939), P. 99; Thurlow. Fascism in Britain (London, 1982). P. 276; Hannah Arendt. Elemente... totaler Herrschaft. P. 288.

⁶⁰ Там же. С. 95.

который сочетался не только с военными, но и с чисто карательными мерами. В англо-бурской войне англичанами впервые в истории была использована практика создания концентрационных лагерей.

Таким образом, можно утверждать, что начиная по крайней мере с XIX века расистская идеология Запада представляет собой двухуровневую систему: британский стандарт и набор его европейских, континентальных и американских версий. Поэтому речь должна идти не об отдельно взятом расизме или нацизме (на котором специализировалась Германия в 1930–40-е годы), но о многоаспектном мультирасизме британского образца, включая и национальный (нацизм), и культурный и цивилизационный.

Мультирасистская идеология, имевшая начиная с XIX века британский фундамент, — это единая общеевропейская система. Идеология Третьего рейха 1930–40-х годов является в ней очень «ярким», но всё же частным случаем англоцентричного общеевропейского феномена. Сегодня этот феномен выступает уже в виде английского и американского трансатлантизма.

Неолиберальная атлантистская социальная доктрина включает в себя несколько компонентов:

— идею культурного и цивилизационного превосходства «политически развитых» наций и стран, якобы образующих «цивилизованный мир»;

— утилитаризм, утверждающий происхождение общественного блага из эгоистической тотальной конкуренции;

— прогрессистский фатализм — веру в тотальный Прогресс всего и сразу, в «прогресс вообще»;

— протестантскую идею избранности ко спасению, в секулярной форме превратившуюся в оправдание социального и культурного неравенства;

— социал-дарвинизм и мальтузианство, утверждающие пользу естественного отбора в человеческой среде и ненужность «лишних» людей;

— принцип статусного потребления, формирующий человеческий тип, определяемый как «эго-машина» и «фабрика желаний».

Этот набор идеологием якобы даёт атлантистской элите санкцию на неограниченное, экстерриториальное применение силы.

Важным признаком атлантистских политических моделей, основанных на пананглизме и панамериканизме, является принцип экстерриториальной кратократии, то есть применения своих норм и установлений — юридических, политических и прочих — за пределами территории собственной страны. К таким практикам можно отнести попытку госпереворота в Турции (2016 год), попытку назначения нового президента в Венесуэле, поддержку терроризма (Сирия), государственный переворот на Украине.

Принцип экстерриториальной кратократии отражён в таких положениях американской военно-политической стратегии, как «глобальное доминирование» или «глобальный контроль».

Так, например, в 2011 году США и НАТО совершили «гуманитарное вмешательство» в Ливию, убили лидера страны Муаммара Каддафи и превратили богатейшую страну региона с высоким уровнем социальных прав населения в фрагментированную территорию, охваченную преступностью и работорговлей.

Атлантистские критерии господствуют также в трактовке понятий «стандарты демократии» и «права человека». При этом приоритеты деятельности профессиональных

правозащитников из других стран всегда «случайно» совпадают с позицией внешнеполитических ведомств США и Великобритании.

Характерно, что на законности многих подобных операций англо-американские элиты, в общем, и не настаивают: например, выступление бывшего госсекретаря США Колина Пауэлла с пробиркой, содержащей возбудитель «сибирской язвы», принятой в качестве повода для нападения на Ирак, официально было признано ошибочным.

Легко заметить, что атлантистский дискурс постоянно воспроизводит расистскую матрицу в процессе культурной коммуникации: таким образом, меняются лишь её исторические формы, но содержание остаётся неизменным.

В морально-этическом смысле данный феномен является полной зеркальной противоположностью христианской нравственности. Он обращается к ценностно-ритуальному комплексу, связанному с языческим институтом жертвы — вместо христианского самопожертвования.

Глава 8. Экономика нацизма и близких ему идеологий

В начале XX века классический колониальный капитализм, созданный прямой военно-экономической экспансией европейских держав, уступает место корпоративно-олигархическому. Главными игроками мировой экономики становятся транснациональные компании, а затем международные финансовые структуры. Меняются формы зависимости, механизмы принуждения и извлечения прибыли. В этих условиях возникает немецкий Третий рейх, претендовавший на колонизацию восточных славянских территорий под флагом нацистской идеологии.

Экономика нацизма мало исследована, но, подступая к ней, следует сразу отметить такую её особенность, ярко проявившуюся в Третьем рейхе, как свехрационализация за счёт использования «второсортного человеческого материала». Данный подход основывался на рабском труде 13 млн узников концлагерей⁶¹ и «обстов» и фактически означал открытое возрождение и легитимизацию рабовладельческих практик. Здесь важно подчеркнуть, что о переселении «обстов» и в целом о преступлениях на Востоке в Германии не принято широко и громко говорить.

Другая существенная черта нацистской экономики — тесное сотрудничество руководства Третьего рейха с промышленными монополиями и финансовыми кругами и активная поддержка последними нацистской партии. Крупный капитал в Германии 1930–40-х годов — это

⁶¹ Отсюда известный лозунг на воротах Освенцима: «Arbeit macht frei» («Работа делает тебя свободным»).

промышленные гиганты Круппа и Тиссена, выступавшие главными источниками финансирования НСДАП.

Таким образом, политико-идеологическая конструкция нацизма имела прочный либерально-капиталистический фундамент. Но этим общность не исчерпывалась, она включала в себя и идеологические основания. В известной статье-речи русского философа Владимира Эрна «От Канта к Круппу» прослеживается путь либерально-просветительской мысли от моральных максим Иммануила Канта до радикализации политического режима и его союза с монополиями в начале XX века. Владимир Эрн пишет: «Под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружилось хищные кровожадные когти. <...> Я убеждён, во-первых, что бурное восстание германизма предрешено Аналитикой Канта <...> Восстание германизма как военный захват всего мира, как насильственная мировая гегемония *mapu militari* коренится, таким образом, в глубинах феноменалистического принципа, установленного в первом издании “Критики чистого разума” <...> Если немецкий милитаризм есть натуральное детище Кантова феноменализма, коллективно осуществляемого в плане истории целую расою, то орудия Круппа — суть самое вдохновенное, самое национальное и самое кровное детище немецкого милитаризма. Германское безумие проходит формы научные, методологические, философские и наконец срывается в милитаристическом буйстве»⁶².

Третья особенность нацистской экономики — гиперинфляционный курс. Гитлеровская Германия не только в военно-политическом, но и в экономическом отношении

⁶² Эрн В. Ф. Сочинения. М. : Правда // Вопросы философии. 1991. С. 308, 312, 313, 317 (см. также: Эрн В. От Канта к Круппу // Р. мысль. 1914. Кн. XII. С. 116–124).

была ориентирована на начало большой войны. Именно поэтому при рейхсминистре экономики и президенте рейхсбанка Ялмаре Шахте допускались чрезмерные инфляционные показатели, превращавшие большую часть экономики в финансовые «пузыри», но создававшие условия для короткого и мощного экономического рывка. Экономическая жизнь Германии велась в кредит: немецкий госдолг вырос с 1933 до 1939 года в несколько раз. Это делалось в расчёте на ещё более резкую инфляцию военного времени и на выкачивание ресурсов из оккупированных территорий (в том числе и с помощью бесплатного труда «унтерменшей»). Война должна была обеспечить сверхприбыли и окупить все неоправданные «кредиты», взятые немецким руководством у собственной экономики.

Экономический курс Германии в 1930-е годы полезно сравнить с курсом, которого придерживается американский либерал-нацизм сегодня, и отметить явные совпадения. Стоит посчитать, сколько потребляет население США и сколько производит «реальный сектор» американской экономики, какую роль играют в США неограниченная эмиссия и невозвратные кредиты. Покрытие этих издержек осуществляется как за счёт вывоза капиталов из стран мировой периферии (это азы колониальной экономики неолиберализма), так и за счёт постоянных гибридных конфликтов, позволяющих США, так же как и гитлеровской Германии, получать сверхприбыли на военных контрактах, торговле дорогим сжиженным газом, скупке земель за бесценок и проч.

Сверхрационализация производства, которую Германия достигала за счёт использования подневольной рабочей силы, по условиям нынешнего атлантистского проекта обеспечивается системой мирового разделения труда

(товары дешёво производятся в странах третьего мира, но продаются на дорогих рынках Запада), санкционной политикой и перенесением реального производства в страны со сверхдешёвой рабочей силой, а также согласованными действиями финансовых монополий.

Всё это обеспечивается «глобализацией», то есть сверхмонополизацией экономики и культурной гегемонией. При этом сверхмонополизированная глобальная экономика порождает «рыночное общество», основанное на ценностях статусного потребления и товарного фетишизма.

Расизм и нацизм являются неизбежным социокультурным обоснованием этого процесса, который всегда требует принесения жертв в угоду «новому порядку» и новым бенефициарам. Этот принцип неизменен с античных времён, когда сторонники республиканских свобод имели в своём распоряжении до десятка и более рабов.

Четвёртая особенность — псевдопросветительская «миссия» нацистско-расистских проектов.

Связь национально-расового и социально-экономического факторов в нацизме закономерна. Народы угнетались и угнетаются в первую очередь именно экономически и во вторую очередь в культурном отношении. Но в сфере идеологии это соотношение обычно представлено в перевернутом виде. Угнетение нередко подавалось (и продавалось) как своего рода плата за услуги высокоразвитой нации, якобы согласившейся «цивилизовать дикарей». Во времена Редъярда Киплинга именно этот исторический «ликбез» и было принято называть «бременем белого человека». Сегодня, имея в виду, в сущности, то же самое, говорят о «плате за экономический мастер-класс», подразумевая неизбежные в будущем катаклизмы: рост тарифов, остановку индустрии, девальвацию национальной валюты, скупку национальных

активов иностранными компаниями (отец и сын Байдены здесь только один из ярких примеров) и, наконец, долговую яму Международного валютного фонда (МВФ), из которой придётся выбираться будущим поколениям.

Гитлеровская оккупация в рамках генерального плана «Ост» также обещала населению занятых территорий правильный арийский порядок и подлинную европейскую культуру вместо хаоса, произвола и деградации, которую якобы несли народам власть комиссаров и «иудеобольшевизм». При этом с занятых территорий вывозилось всё, что только можно: от рабочих рук до культурных ценностей и даже чернозёма.

Чем сильнее подчинённость экономической периферии центрам капитала — тем более явно выражены ответственная консервация отсталости и отставание в развитии в странах периферии.

Центры либерал-капитализма не могут существовать в отношениях равного партнёрства с остальным миром, поскольку объёмы потребления западного общества в несколько раз превышают объёмы производства: один только американский долг составляет 31,5 трлн долларов, а долг стран еврозоны — 12 трлн евро, или 13 трлн долларов соответственно. В этой ситуации от экономических неокolonий требуется добровольное принятие своего статуса, то есть готовность занять невыгодную нишу в мировом разделении труда, место в нижней части обменных и производственных цепочек — например, согласиться на роль сырьевого придатка или компьютерного сборочного цеха. В итоге осуществляется вывоз капиталов из неокolonий — в том числе посредством вкладывания их в ценные бумаги господствующих экономических субъектов, а не в национальные науку, образование и индустрию.

Объекты экспансии неизбежно становятся кормовой базой и катализатором развития для стран «первого мира» и транснациональных игроков. Данные закономерности достаточно точно описаны представителями школы мир-системного анализа в рамках концепции «центра-периферии», «неравного обмена», «неравной специализации» и «иерархии товарных цепей»⁶³.

Ключевая фигура данного направления Иммануил Валлерстайн в своих работах всегда подчёркивал, что «существует корреляция между “классовым” и “этническим” ранжированием, с одной стороны, и наличием различных “классовых” и “этнических” групп определённых политических прав — с другой. Низшие группы... формируют “классово-этническую низшую страту”»⁶⁴. И далее: «Осевое разделение труда между ядром и периферией (мировой экономики. — А. Ш.) имеет как классовое, так и этническое измерение, причём на мировом уровне, в отличие от национального, они меняются местами: очевидна прежде всего этническая иерархия. Отсталость Третьего мира часто объясняют в терминах культуры и образования...»⁶⁵

Характерно, что фазы процессов, протекающих в мировой экономике, влияют и на корректировку расовых границ. В терминах Валлерстайна это «постоянная редефиниция этнических групп в капиталистической мировой системе в соответствии с потребностями последней. В результате вчерашние “средиземноморцы” становятся сегодняшними европейцами, японцы (вчерашние

⁶³ Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн. М. : Тов-во научных изданий КМК, 2008. 176 с.

⁶⁴ Там же. С. 34.

⁶⁵ Там же. С. 35.

лидеры “жёлтой орды”) — “почётными белыми”, и кто знает — быть может, сегодняшние шведы когда-нибудь опять станут “бледнолицыми варварами”. Этническая и расовая принадлежность в капиталистической мировой системе постоянно меняет свои статусные определения. В период спада и сжатия мировой экономики целые народы выталкиваются из неё как этнически неполноценные; в периоды роста и расширения (экспансии) часть их впускают назад»⁶⁶. В то же время «в условиях слабости государства периферийных обществ полюсом-знаменателем выражения классовых интересов или формирования солидарности статусных групп становится расовая, этническая (национальная) и языковая принадлежность, расово-этническое измерение социальных отношений в КМЭ (капиталистическая мир-экономика. — А. Ш.) закрепляется институционально»⁶⁷.

Именно этот процесс — институциональное закрепление авторитарной экономической модели в форме идеи расово-этнического превосходства — и является экономической моделью нацизма и расизма.

Крайне важен вопрос о социальной базе нацистской экономики. Популярное в левых кругах утверждение о том, что социальной средой нацизма является «взбесившийся средний класс», доказало свою справедливость как в XX (Германия), так и в XXI веке (Украина, Белоруссия). При этом весьма характерно, что тот же самый миддл-класс, привычный к жизни на кредиты, является также

⁶⁶ Wallerstein I. Marx, Marxism-Leninism, and Socialist Experiences in the Modern World-System / I. Wallerstein. Binghamton (N.Y.): Fernand Braudel Center, 1989. P. 9.

⁶⁷ Wallerstein I. State in the Institutional Vortex of the Capitalist World-Economy // International Social Science Journal. P. 19809. Vol. 32. № 4. P. 745.

и краеугольным камнем либеральной экономики. Поэтому его нередко, и вполне справедливо, называют также «экономической жандармерией либерализма».

Представитель второго поколения «франкфуртской школы» Герберт Маркузе ещё в 1960-е годы писал, что репрессивный аппарат либерального общества формирует фашизоидный тип сознания — «одномерного человека»⁶⁸. Этот тезис по-своему подчёркивает тенденцию, отмеченную ещё в начале XX века: у нацизма и либерализма одна и та же социальная база — средний класс.

По привычке фашистов ищут среди скинхедов и футбольных фанатов, и в этой среде их, разумеется, тоже довольно много, но там они отнюдь не составляют такой значительной и экономически сплочённой силы, как среди белых воротничков, мелких предпринимателей и либеральной интеллигенции. Именно поэтому нацизм и фашизм были так распространены в Германии, Северной Италии, Англии, позднее в США и других странах с высоким уровнем потребления, урбанизации и высокой долей миддл-класса в социальной структуре.

Сегодня фашизация и люмпенизация среднего класса связаны с его страхом обнищания в период мирового кризиса — страхом снижения доходов и постепенного слияния с широкими массами пролетариата и вообще «низов». Привычный для этих людей уровень потребления государство может поддерживать, только идя против интересов остального населения. Это и заставляет известную часть миддл-класса идти ва-банк — то есть на майдан — и требовать

⁶⁸ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе ; пер. с англ. ; послесл., примеч. А. А. Юдина ; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. М. : АСТ, 2002. 526 с.

у государства введения экономической диктатуры и либерально-авторитарного режима управления в его, миддл-класса, интересах. Разумеется, такой тип диктатуры достигается через ещё более глубокую глобалистскую интеграцию и сдачу государственного суверенитета.

Сдвиг среднего класса вправо естественным образом сочетается с технократическими идеями цифрового общества. Данные модели поддерживаются близкой трансгуманизму идеологией технократизма, которую нельзя путать с феноменом технического прогресса и которая является составной частью нацистско-расистского идеологического блока с его экспертократией, дегуманизацией и административной конспирологией глобального управляющего класса. Когда речь идёт о технократизме, имеется в виду не прогресс науки и технологий, но как раз обратный процесс: распространение техносферы за пределы материально-предметной реальности, на самого человека, на его мышление и психику, подчинение техносфере культурных смыслов и логики социальных коммуникаций.

Транснациональный цифровой феодализм развивается лишь отчасти в некотором противостоянии, но в большей степени в симбиозе со своим предшественником — транснациональным финансовым капитализмом. Это пример комбинированного уклада, противоречащий привычным жёстким представлениям об экономических «формациях» (ср. также концепции «нисходящей спирали» и «маятникового движения истории»).

Важная особенность цифрового капитала состоит в возможности развития без использования банковских кредитов, что и позволяет ему постепенно захватывать важные высоты в экономике. Впрочем, это не отменяет адаптации к законам и принципам более «старшего» экономического уклада.

В рамках цифрового феодализма с помощью индивидуальных данных и оставляемых цифровых следов (действий в цифровой среде) создаётся внешняя идентичность человека. Это кардинально меняет весь социокультурный ландшафт.

Важнейший из институтов цифрового феодализма — социальные платформы для массового управления и связанные с ними алгоритмические сообщества, заменяющие традиционные социальные группы («коллективы»). Социальные платформы позволяют управлять индивидом напрямую, без использования опосредующего звена в виде общественных организаций.

Основным капиталом в цифровом обществе становится доступ к информации различного уровня. При этом доступ к качественной информации с высоким индексом применимости ограничен, что вызывает рост информационного неравенства. Психика человека (но не личность, не сам человек!) при этом становится такой же ценностью, как и сама информация, поскольку рассматривается в основном как объект информационного воздействия.

Право в условиях цифрового феодализма переосмысливается как «возможность», «доступ» — в отличие от капиталистической трактовки права как «отсутствия запрета». Решающее значение для способности индивида совершать рациональный выбор имеет теперь уровень инфоисточников, а не их количество, в связи с чем понятие «свобода слова» полностью и окончательно девальвируется.

Культура цифрового феодализма среди прочего порождает «императив инновационности» — требование постоянного варьирования форм социализации и перманентной пересборки идентичности человека, усиливая тем самым постмодернистское «игровое сознание», релятивность

и симуляцию. Поэтому субъекты общества цифрового феодализма вынуждены регулярно «переизобретать себя», менять социальное амплуа. С этим связан известный термин, определяющий людей цифровой эпохи, — digital nomads («цифровые кочевники»).

COVID-пандемия сыграла огромную роль, роль катализатора в движении общества к новой технократической (на этот раз «цифровой») модели, которая является частью современного нацизма и социал- и культур-расизма.

Глава 9. Россия и русские в периоды становления и реставрации нацизма. Война за независимость

Нацизм не существует в историческом вакууме. Он всегда погружен в актуальный геополитический контекст, динамичный и меняющийся на глазах. Историческая логика нацизма и сопутствующих ему явлений в значительной мере повлияла на судьбу России и её народа в XX–XXI веках.

Центральным событием в этом отношении является Великая Отечественная война 1941–45 годов и геноцид населения СССР⁶⁹. При этом нередко упускается из виду (а в советский период об этом просто не упоминалось), что этот геноцид имел свой исторический пролог — репрессии против русского православного населения со стороны Австро-Венгрии на рубеже XIX и XX веков⁷⁰, о которых осталось немало документов и свидетельств⁷¹. И, наконец, в 2014–2023 годы, буквально на наших глазах, он получил своё продолжение. В 2010-е годы геноцид русских (русоцид) — название «Плаха»⁷².

⁶⁹ См.: Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны / под общ. ред. В. А. Золотарева. М. : Кучково поле, 2015. 320 с.

⁷⁰ См.: Ищенко Р.В. Галиция против Новороссии: будущее русского мира. © ООО «ТД Алгоритм», 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/ishchenko_rostislav/galitsiya_protiv_novorossii_budushchee_russkogo_mira.html#0 (дата обращения: 08.06.23).

⁷¹ См., напр.: Талергофский Альманахъ. Пропамятная книга австрийских жестоко-стей, изуверств и насилій надъ карпато-рускимъ народомъ во время всемірной войны 1914–1917 гг. Львов, Изданіе «Талергофскаго Комитета», Типографія Ставропигійскаго Института, 1924.

⁷² См.: Щипков А. В. Русофобия // Плаха. 1917–2017: сб. статей о русской идентичности / сост. А. В. Щипков. М. : ПРОБЕЛ-2000, 2015. 216 с.

Но обратимся к ключевым событиям данного сюжета.

Важно помнить, что в Третьем рейхе в рамках плана «Ост» по зачистке «восточных территорий» войну с СССР называли и считали «этнической». Но, как это ни парадоксально, в России только в 2022 году, когда противостояние нацизму вновь перешло в «горячую» фазу, было официально признано, что русские — один из народов, подвергшихся геноциду⁷³. При существовании огромного мемориального «проекта» в честь Великой Победы 1945 года, с книжными сериями о пионерах-героях и лекциями ветеранов в школах, СССР факт геноцида не признавал, да и в России, несмотря на огромную народную популярность Бессмертного полка, он не был признан. Здесь есть о чём задуматься.

Существенно также и то, что Плаха не завершена, она продолжается (вспомним Донецк, Изюм, Купянск, расстрелянных учителей). И если евреи уже пережили свою Катастрофу, то русские свою продолжают переживать. В связи с этим необходимо институализировать «политику памяти», тем более что база для этого уже создана — понятие «Русская Катастрофа» (Плаха) давно прочно вошло в научный и политический оборот.

Особое значение имеет вопрос о так называемых союзниках и партнёрах. В период Второй мировой войны противостояние Англии и США с Германией было ситуативным,

⁷³ В Петербурге суд признал геноцидом преступления фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-10-10/439337-v_peterburge_sud_priznal_genotsidom_prestupleniya_fashistskih_zahvatchikov_v_gody_velikoy_otechestvennoy_voyny (дата обращения: 08.06.23); Без срока давности: Преступления нацистов, совершённые во время Великой Отечественной войны, официально признаны геноцидом советского народа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/bez-sroka-davnosti-prestupleniya-natsistov-sovershennye-vo-vremya-velikoy-otechestvennoj-voyny-ofitsialno-priznany-genotsidom-sovetskogo-naroda/> (дата обращения: 08.06.23).

а не идейным, и лишь после краха рейха в 1945 году оно было оформлено как борьба «демократии с тоталитаризмом». Но англо-американские элиты всегда имели в виду иллюзорность этой «идеологии для бедных» и всевозможных мифов о денацификации.

Так, например, профессор Принстонского университета Стивен Коткин в своих лекциях открыто говорит аудитории, что Великая Отечественная была не выиграна, а проиграна Россией: капитуляцией стал вывод советско-российских войск из Германии и стран бывшего Варшавского договора, завершившийся к 1994 году: «Подобно армии Наполеона, российские войска отступили по тем же дорогам вглубь России в начале 90-х... Потребовалось много времени, но всё огромное здание Победы оказалось разрушенным в полноте времени»⁷⁴.

В действительности для Британии и США именно Третий рейх был естественным союзником в достижении долгосрочных, а не краткосрочных целей. Поэтому холодная война стала продолжением Великой Отечественной: дело Германии продолжали США и НАТО, а аналогом Третьего рейха стал глобальный англо-американский мир. Сегодня англо-американская коалиция продолжает войну с Россией исходя из ценностей атлантизма (современной радикальной формы протестантского модерна).

Новой войной в Европе вновь стала война между Россией и фашизмом — только фашизм на этот раз называется англо-американской «демократией». И якобы денацифицированная Германия вместе со своим англо-американским

⁷⁴ Американский историк: СССР проиграл Великую Отечественную полвека спустя [Электронный ресурс]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/1b024a35> (дата обращения: 09.06.23).

созеренном в 2022 году на Украине поддержала неонацизм как политически, так и поставками вооружений.

Строго говоря, этническая, или, как называл её Гитлер, «расовая», война с Россией не прекращалась десятилетиями: менялись лишь её идеологические форматы и политические идиомы, например: «холодная война», «соревнование двух систем», борьба с «советским тоталитаризмом», «панславизмом», «иудеобольшевизмом» (гитлеровский термин), «имперской политикой России», «путинизмом», «рашизмом», «идеологией Русского мира» и т. п.

При этом сущность противостояния оставалась одной и той же, хотя процесс имел свои «холодные» и «горячие» периоды. Мишенью военных, политико-экономических и идеологических ударов всегда был именно русский цивилизационный фундамент, который оставался неизменным, несмотря на революции и смены режимов.

Атлантистская пропагандистская машина всегда стремилась создать у самих русских дискретный, фрагментарный образ собственной истории, гиперболизировала внутренние культурные, региональные различия.

В 1980-е годы «советский проект» был демонтирован либеральной частью КПСС и за этим последовал номенклатурный распил советского наследия. Наряду с хозяйственными институтами, индустрией, наукой и культурой в годы постсоветского номенклатурного капитализма в первую очередь подверглась системному разрушению русская коммунитарность. Под воздействием либеральной пропаганды в 1990-е часть населения страны искренне поверила в возможность существования общества без идеологии и ценностей. Но хотя русское общество в очередной раз избрало путь исторического разрыва, окончательно разрушить общинную социальную матрицу в России не

удалось — она заявила о себе вновь в 2014 году русской ирридентой и крымским консенсусом.

Постсоветская модель капитализма является по происхождению культур-протестантской и находится в глубоком противоречии с реальным историческим опытом русского народа. Поэтому лозунг 1990-х о «десоветизации» объективно был направлен не против отдельно взятого «советского», а против всей русской традиции и национальной исторической преемственности. Коллективное сознание русских в это время было заполнено мифами о вымирании «генофонда нации», о коллективной исторической вине, неспособности к самоорганизации и «генетическом рабстве». Все эти нарративы отражали информационную войну, ведущуюся против русских либеральными преемниками гитлеризма, и попытки парализовать общество, навязав ему искусственную и негативную (ведущую к саморазрушению) глобалистскую идентичность. А продвигала эти нарративы внутри России либеральная партия, сформированная из остатков советской интеллигенции, креативного «среднего» класса и «болотного» актива — партия, на словах открещивавшаяся от нацизма, но старательно выращивающая и использующая его современные формы.

Красноречиво также и упорное отрицание либеральной западной профессурой понятия «русский мир» на фоне принятия аналогичных по смыслу понятий «арабский», «тюркский» или «британский» мир. Главная цель этого отрицания — упразднение русских как политического субъекта.

Примечательна и «война с памятниками», когда нацисты в Европе и на украинских территориях одновременно сбрасывают с постаментов Суворова и Жукова, Пушкина и Горького, Сталина и Александра III. Между тем в культуре

самых западных метрополий термины Russian и Russians обозначали и продолжают обозначать весь спектр таких понятий, как «русский», «российский», «советский», а во многом и «постсоветский».

Закрепление в общественном сознании самого понятия «русский мир», которое ввёл в общественно-смысловое пространство Патриарх Кирилл, стало прологом к воссоединению русских.

«Русский мир» — это территории компактного исторического проживания носителей русского языка и русской культуры. Определение «Русского мира» основано на двух критериях. Первый: это совокупность людей, для которых, независимо от места проживания, русский язык и русская культура являются основными, то есть полученными в процессе воспитания. Второй: исключение составляют те, кто по каким-либо причинам сознательно относит себя к другой нации.

Национальное объединение невозможно без осознания полной исторической картины жизни народа, включая её героические и трагические стороны. Для полноценного объединения русским необходимо переосмыслить историю последнего столетия, по-новому осознать причины и следствия геноцида — Плахи, которому они подвергались с самого начала XX века (включая геноцид православных русин до и во время Первой мировой войны) и до начала XXI века включительно.

Русские — самый большой в мире разделённый народ. Наша идущая сегодня вынужденная война с западным глобализмом имеет два аспекта. С одной стороны, это война за независимость и объединение разделённого русского народа; с другой стороны — за право сохранить цивилизацию аутентичного христианства — то есть фактически

религиозная война. Террор, развязанный Вашингтоном против православия, это подтверждает.

Западный атлантистский альянс не готов мириться с существованием русских в качестве единого народа. Так называемая интеграция России в «западный мир» возможна лишь по частям, то есть при условии расчленения российской территории и разделения русского народа. Это значит, что вслед за уже произошедшим отрывом от русских части малороссов и белорусов намечено новое национальное дробление.

Заслуживает внимания «деколонизация» — план расчленения России авторства «Гудзоновского института» (Hudson Institute)⁷⁵, основанного в 1960-е годы военным стратегом Германом Каном и его коллегами из корпорации RAND. Согласно этому плану Российская Федерация будет поделена на несколько государств.

Будет взят курс на понижающуюся демографию. Неслучайно в 2022 году заслуженный нобелиат, бывший президент Польши Лех Валенса призвал сократить население России до 50 млн человек (то есть умертвить две его трети).

Понятно, что произойдёт в сфере идеологии. Разговоры о «Русском мире», русской идентичности и о геноциде русских в XX и XXI веках, будут объявлены «нацистскими», а их участники подвергнутся ритуальной травле, дискриминации и судебным преследованиям.

Литературный русский язык будет запрещён: его заместит один из множества народных диалектов, бытующих на территории России, Украины, Белоруссии. Главная и давняя цель здесь — уничтожить литературную языковую

⁷⁵ Карта уничтожения России от Гудзоновского института [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/boris_rozhin/83824 (дата обращения: 26.05.2023).

норму, на которой держится вся национальная традиция: наука, искусство, религия. Небывалый статус приобретёт английский язык, который станет основным во всех престижных сферах, таких как юриспруденция, экономика и финансы, философия, богословие, политология, социология, психология. В повседневном языке русские слова с позитивной семантикой будут вытесняться англицизмами, а слова с негативными значениями останутся русскими.

Такие инициативы вновь подтверждают очевидное: нацизм — не только и не столько германское, сколько общеевропейское явление. Сегодня объектом нацистской политики этнической «нормализации» назначены граждане России.

Намерения западных элит явно отсылают к методам и технологиям, исторически применявшимся к коренному населению Америки и народам мировых окраин. Фактически это военная колонизация с зачисткой территории. Данная перспектива означает уничтожение русских как исторического субъекта. Это не что иное, как давно знакомая «этническая война» — продолжение той, которую вёл Гитлер против СССР, а также некоторые его предшественники — против Российской империи.

В такой исторической реальности важным условием выживания России является национальный консенсус. Для его достижения необходимо взаимодействие разных кодов русской традиции — православного, советского, дореволюционного — и взаимный перевод этих кодов в рамках единого русского дискурса. Без выполнения данных условий национальный консенсус не состоится, — останется возможность противопоставлять эти коды друг другу, вызывая гражданские конфликты (дискуссия о переименованиях, установках памятников, киноконтенте и проч.).

Можно создать развёрнутую систему культурных концептов русского мира, состоящую из ряда компонентов, таких как православная этика, социальная справедливость, социальное равенство, приоритет нравственности по отношению к праву. Дореволюционный мир и мир советский, исторически сошедшие в непримиримой схватке, имеют тем не менее общие корни и одинаково отражают русскую идентичность.

Для Запада серьёзной экзистенциальной проблемой является русская идентичность и связанная с ней цивилизационная инаковость России. Она напоминает Западу о собственном отвергнутом историческом пути — при этом Россия воспринимается им как историческое альтер-эго, как собственная «тень».

В основе русской идентичности лежит императив поисков или построения «царства правды», где всякий человек нужен, никто не лишний, никто не строит своё счастье на несчастье другого, все объединены духовными узами и общими задачами. Образ Святой Руси как «сосуда истинной веры» и образ социальной справедливости, «общества равенства и братства» — разные проекции одной идеи, части одного целого. Идеология меняет знаки, но эсхатологическая матрица остаётся в исторической памяти, будучи неделимым целым.

Для культурно-исторического развития России характерна вертикальная динамика. Одной из её причин является отсутствие в культурно-историческом пути России Ренессанса и Реформации, что в долгосрочной исторической перспективе становится преимуществом, а не недостатком.

Несмотря на то что нормативы просветительской революции насаждались в России диктаторскими методами и в ускоренном режиме, Россия, пусть в пассивной форме,

сохранила вертикальную динамику развития, характерную для христианской нации (как до определённого момента, связанного с Флорентийской унией, сохраняла её Византия). Эта динамика аутентичного христианства связана с обожением — космотеозисом, в частности со стремлением к социальному идеалу. В условиях русской культуры она порождает вопрошание «как сделать общество лучше», а не фаталистическое, квазирелигиозное поклонение слепому «прогрессу», который сам по себе является и целью и набором оценочных критериев.

Сегодня русское общество медленно и мучительно расстаётся с мифологемами негативной идентичности, под властью которых оно находилось долгие десятилетия. Пока ещё нет гарантии того, что этот процесс необратим и не будет повернут вспять, особенно с учётом ожесточённого и нарастающего внешнего противодействия суверенизации страны.

Лидеры атлантизма всегда стремились уничтожить Россию и русских как историческое целое, независимо от мировоззренческих различий отдельных людей и групп. Они всегда понимали вторичность идеологических систем и доктрин и поэтому стремились переключить наше внимание на второстепенные идеологические вопросы, отвлекающие от выработки исторически обоснованной национальной стратегии.

Война вновь вступила в горячую фазу и теперь ведётся открыто. Без встречной идеологии, поддерживающей борьбу русских за своё существование, противостоять вызову атлантистского Запада невозможно. Это ключевое условие русской мобилизации. В основе такой идеологии неизбежно будет лежать анализ нацизма (шире — различных форм расизма и фашизма) как ядра западноевропейского

менталитета, существующего на протяжении столетий и определяющего вектор развития западной цивилизации в духе *Drang nach Osten*, и, разумеется, особое значение будет иметь признание колониалистских (и неоколониалистских) корней нацизма. Ведь Освенцим или Талергоф — закономерное порождение системы, имеющей в «анамнезе» многие века колониального угнетения.

Глава 10. Новый переходный период и его перспективы

Новый переходный период, в который мир вступил несколько лет назад, связан прежде всего с агонией неолиберального капитализма, чаще всего обозначаемой как «мировой кризис» (world crisis). Вопреки декларативной гуманистической риторике, эта агония сопровождается военной агрессией и созданием геополитических «форпостов» либерализма — ряда нацистских и протонацистских режимов в Восточной Европе.

Эти действия являются не стратегией, но жестом отчаяния. Кроме политики голой силы и мировой полицейщины либерал-глобалистскому режиму нечего предложить человечеству. Его социокультурный потенциал исчерпан. Сегодня народы мира начинают осознавать себя жертвой неудавшегося исторического эксперимента. Этот эксперимент, предпринятый в рамках проекта протестантского секулярного модерна, был связан с распространением нормативов одной культуры на весь остальной мир — иначе говоря, с принципом однополярности (моноцентричности). Осуществляемый средствами военно-политического и экономического насилия в режиме гегемонии и жёсткого глобального контроля, он привёл человечество в тупик расистско-нацистского, социал-дарвинистского мировоззрения, прикрытого либеральным мифом о свободе и партийной представительной демократии. Между тем даже западные независимые интеллектуалы признавали утопичность этого мифа. Так, известный австрийский логик и математик Курт Гёдель (автор знаменитых теорем о неполноте и противоречивости арифметически формализуемых

систем знания), анализируя американское законодательство, пришёл к выводу, что всенародное голосование не мешает установлению диктатуры, а американский экономист, нобелевский лауреат Кеннет Джозеф Эрроу, сформулировал теорему о невозможности демократии как коллективного выбора в современных условиях.

Тем не менее вопреки здравому смыслу, нравственности и человечности регионы мира были насильственно превращены в кормовую базу протестантского модернистского проекта и стали жертвой связанного с ним колониального капитализма. Но, как показал трёхвековой опыт, включение периферийных экономик в капиталистическую систему мирового разделения труда консервирует их отсталость, из чего следует необходимость отказа от глобалистской экономической модели. Аналогичным образом потенциал разных культур сталкивается с унифицирующим влиянием глобалистской культурной модели, созданной в интересах англо-американской культуры, — из этого следует необходимость отказа от западной культурной гегемонии.

Подменив собственную традицию набором техногенных культов и принуждая к этому другие страны и народы, западный мир движется по пути дегуманизации, беззакония и цифровой диктатуры. На этом пути западными социальными и политическими институтами сформирован особый тип отчуждённого человека — «эго-машины», «фабрики желаний», идеального потребителя, сверхгедониста и послушного объекта цифровых коммуникаций.

Сегодня исторический тупик западной цивилизации очевиден, ей больше нечего предложить остальному миру. Проект протестантской модернизации терпит крах, её глобалистская программа отторгается многими

странами и народами. В связи с этим можно говорить о приближающемся сдвиге господствующей культурной парадигмы⁷⁶.

Но пока этот процесс не набрал силу, поэтому институты и идеологические структуры глобального управляющего класса ужесточают контроль над членами общества и их образом мысли. Для этого поддерживается и воспроизводится идеологическая среда, включающая в себя элементы нацизма, мультирасизма и либерального социал-дарвинизма.

От каждого отдельного народа зависит, останется ли он частью обречённого геополитического проекта или отстаивает право выбирать собственную историческую судьбу. Отстоять это право можно лишь выйдя за пределы западной институциональной и культурной среды, избежав, таким образом, поглощения и колонизации. Иными словами, для победы над нацизмом и мультирасизмом необходима культурно-историческая аутентификация стран и народов, а её важнейшим условием является преодоление когнитивной зависимости от секулярных и религиозных форм протестантского фундаментализма.

Любая социально-экономическая модель имеет свою культурную почву. Поэтому, когда такая победа всё же состоится, исторический «сброс на ноль» коснётся не только неолиберального капитализма, но и всей культурной парадигмы протестантского модерна. Смена парадигмы будет сопровождаться глобальной деколонизацией и переходом к полицентричному миру, в котором уже никому не сможет «выдавать лицензию» на цивилизованность.

⁷⁶ Итогом может стать либо альянс цифрового феодализма и мультирасизма, либо синтез традиционализма и социализма.

Для Европы этот переход станет возвращением от гуманистической и постгуманистической к библейской системе ценностей: в этом ключе (независимо от отношения к религии как таковой) будет складываться метанарратив будущей культуры. Традиция будет освобождена от римско-языческой аксиологии, колониалистских идей разделённого мира (на «цивилизацию» и «варварство»), культурного неравенства и доктрин, оправдывающих социальное угнетение, — таких как богословская концепция двойного предопределения, понятие «бремени белого человека», мальтузианское и ницшеанское право сильного, социальная евгеника и идеи улучшения «человеческой породы», а также все виды нацизма и мультирасизма.

Переходный период приведёт к изменению системы социальных наук. Этот процесс уже начался. Революция в историографии уже частично сняла табу с освещения новой проблематики, к которой относится и покаяние за колониализм. Социолог Майкл Манн приводит данные о громадном количестве жертв, лежащих на совести стран «первого мира»⁷⁷. Признаётся, что становление либеральных «демократий» сопровождалось этническими чистками, которые принимали масштабы геноцида. И если отказ от большевизма прошёл сравнительно легко, а большевистский период по историческим меркам был не так уж долг, то в колониалистской парадигме Запад живёт уже несколько веков.

Говоря непосредственно о расистско-нацистском комплексе идей, следует рассматривать его англосаксонский вариант как модельный для западного общества

⁷⁷ Mann M. The Sources of Social Power. Cambridge, 1996; Кагарлицкий Б. Ю. Счёт на миллионы. Хороший фашизм и фашизм плохой // Русская жизнь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulife.ru/mode/article/1307> (дата обращения: 08.06.23).

эпохи модерна, включая и гитлеровскую Германию. Критика нацизма в рамках неолиберальной идеологии имела фиктивный характер. Фактически она была направлена на создание для нацистско-расистских доктрин иммунитета по отношению к другим, «неконвенциональным» (с либеральной точки зрения) направлениям критики и в конечном счёте на их поэтапную реабилитацию. После распада социалистического проекта произошло закономерное возвращение открытых форм национал-расизма (нацизма).

Сегодня наблюдается отчётливое желание либерального истеблишмента снять с себя ответственность за мировой кризис. Его представители стремятся избежать содержательного ответа на вопрос о причинах краха модернистско-просвещенческой утопии, не признавая при этом грядущую смену идеологической матрицы. Таким образом искусственно создаётся ситуация теоретической неопределённости, имеющей, разумеется, временный характер. В период этой неопределённости наиболее уместным для осмысления идеологического пространства и его истоков может оказаться культур-системный подход.

Межкультурные и межцивилизационные отношения — одна из важнейших на сегодняшний день тем. Серьёзной помехой для её обсуждения являются неоправданные привилегии неомодернистской, либеральной социологии и социал-конструктивизма. Цивилизационная проблематика нередко объявляется устаревшей, а культурно-исторические субъекты описываются в конструктивистском духе как искусственно построенные «воображаемые сообщества»⁷⁸.

⁷⁸ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001; Anderson B. Imagined Communities. London, New York : Verso, 2006.

При выходе за рамки этой методологической и идеологической матрицы определение культурно-исторического субъекта кардинально меняется. Субъект определяется суммой устойчивых компонентов (топосов), составляющих культурно-языковую картину мира его народа. Культурные топосы остаются постоянными, но по-разному выражают себя в разных исторических контекстах. Например, колониализм, один из кодов западного модерна, на известном этапе принял форму нацизма, а на следующем этапе вместо «расово неполноценных народов» искали уже «врагов мировой демократии» и «тоталитарные общества». Это разные компоненты одного и того же мультирасистского спектра. Также для примера стоит сравнить «соборность», «общинность» русского православия — и стихийный советский коллективизм; эсхатологизм и хилиастический элемент русского крестьянского сознания — и переосмысление в этом духе «западных ценностей» и логики протестантского модерна российской интеллигенцией⁷⁹.

Данное определение подразумевает, что ни одна из культур не находится в позиции гегемона, с «готовыми ответами» на важнейшие вопросы, не пытается представить свою концептуализацию исторического процесса как общезначимую.

Знаменитое веберовское определение культурного субстрата Запада как «протестантской этики и духа капитализма» сегодня следует понимать как отграничивающее свой предмет в общей картине мировых культур, как

⁷⁹ См., напр.: Панарин А. С. Православная цивилизация / А. С. Панарин ; сост., предисл. В. Н. Расторгуев ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.; Зильберман Д. Православная этика и материя коммунизма / Д. Зильберман ; пер. с англ. Е. Гурко ; под ред. С. А. Семенова ; науч. ред. А. Митрофанова и М. Немцев. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2014 и др.

указание на культурспецифичность любых общественно-политических институтов и концепций. Исходя из этого, либерально-капиталистическая система не может претендовать на роль «золотого стандарта» общественно-исторического развития. Если следовать веберовской модели в характеристике русско-византийского культурно-исторического типа, то его определение будет выглядеть как «православная этика и дух общинной солидарности».

Культурно-исторический подход предполагает отказ от мифа о единой «столбовой дороге цивилизации». Легко заметить, что на универсалистской трактовке истории, как правило, настаивает культура, которая в данный исторический момент имеет превосходство над другими или предполагает наличие такого превосходства в ближайшем будущем. Поэтому в 1960-е годы цивилизационный подход был характерен для западного либерализма и настойчиво критиковался советскими историками как реакционный. В 1990-е годы ситуация зеркально поменялась: либеральный универсализм породил идею конца истории, а в Россию в обход социальной науки, напротив, вернули Николая Данилевского и Освальда Шпенглера.

Изначально культуры и цивилизации равноправны и каждая имеет свою историческую интенцию и логику развития. Однако из-за неоправданной политико-экономической зависимости развитие одних культур тормозится за счёт ускорения развития других. Потенциал разных культур сталкивается с унифицирующим влиянием глобальной модели, созданной в интересах англо-американской культуры. Но этот однополярный миропорядок в ближайшее время сойдёт с исторической сцены.

В подобной ситуации цивилизационный, он же культурно-типологический подход требует учёта роли

факторов, которые тормозят развитие обществ, ставят под вопрос историческую субъектность народов. Этот подход особенно эффективен в сочетании с методами мир-системного анализа, исследующими формы экономической и политической зависимости в эпоху модерна, то есть протестантского капитализма. Верно и обратное: мир-системный взгляд выглядит более основательным, когда учитывает культурспецифичность экономических и политических институтов, культурно-исторические основания национальных и государственных субъектов.

Эти соображения говорят об оптимальном характере синтетического, культур-системного подхода и важности развития его методологии. Культур-системный подход, с одной стороны, соответствует методологическим требованиям современной науки, а с другой — согласуется с культурно-исторической логикой, в частности с концепцией Н. Я. Данилевского, который подчёркивал: «Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью»⁸⁰.

Когда все цивилизации воспринимаются как уникальные, вступает в силу принцип «культурно-ценностного плюрализма», о котором писал, например, Дж. Грей в книге «Поминки по Просвещению», оспаривая универсалистские претензии современного неолиберализма. И напротив, в случае отрицания тезиса об уникальности культуры сразу попадаем в ситуацию, где тот или иной исторический субъект присваивает себе право на метапозицию

⁸⁰ Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. СПб. : Глаголь ; Изд-во С.-Петербургского университета, 1995. С. 77.

по отношению к другим, право говорить от имени «единых» стандартов. Такого рода подходы выливаются в итоге в доктрину глобального доминирования, наследующую колониальной политике и привязанную к тому или иному сегменту мультирасистского идеологического спектра.

Коллективное сознание Запада всегда включало в себя фанатичную зависимость от идеи покорения Востока и одновременно страх перед ним. Обе эти черты отчётливо манифестируются на уровне фразеологии, порождая такие идиомы, как «ось зла», «орда», «тьма с Востока» и т.п. Эту фобию можно назвать одним из важнейших архетипов западной культуры, которому подчинена в том числе и культура массовая: его легко проследить и в продукции Голливуда и во вневременном эпосе Р. Толкиена. Западное мировоззрение включает в себя яркую фигуру «восточного Варвара» как значимого Другого.

Существенно, что многочисленные «походы на Восток» западных варваров представляют собой исторический факт, в то время как нашествия «восточного Варвара» со времён Арабского Халифата и Золотой Орды не повторяются и остаются в области западных коллективных фантазмов. Иначе говоря, уничтожение восточной исторической субъектности, в настоящее время прежде всего русской, а также, например, сербской, — это условие поддержания западной культурой своей самоидентифицированности. Направленность этой культуры не может быть изменена или скорректирована с помощью политических альянсов, культурных проектов, «взаимовыгодного сотрудничества» и т.п. Она может быть лишь принудительно изменена внешними обстоятельствами — влиянием

экономического кризиса, а также реализацией пострадавшими странами и народами своего права на самозащиту и возмещение понесённых потерь в периоды колониализма, нацизма и неонацизма.

Сегодня, на фоне углубления кризиса колониальной системы Запада, становится всё более актуальной тема покаяния за колониализм — в частности, потому, что становление режимов, связанных с либеральным капитализмом, европейским патронатом, нацистскими и расистскими доктринами, сопровождалось этническими чистками и геноцидом. Существуют важные и недостаточно исследованные в современной историографии темы, такие как история Опиумных войн в Китае (антибританские восстания из-за насаждавшейся империей опиумной торговли), геноцид православных русин в Австро-Венгрии, возрождение рабства и использование рабского труда «бстов» (выходцев с восточных территорий) в нацистской Германии, а также англо-германская идеологическая преемственность.

Разрушение англо-американской гегемонии и мультирасистской идеологии представляется неизбежным. За этим должно последовать болезненное, но необходимое покаяние западного общества, а также признание и закрепление за народами, подвергшимися колонизации и геноциду, статуса народов-жертв.

В этом смысле нынешний мировой кризис вселяет определённые надежды. Ведь само слово «кризис» по-гречески означает «суд», и сейчас западное общество подошло именно к этой исторической точке. Возможно, кризис поможет осознать необходимость покаяния, без которого не может начаться выздоровление.

ОБ АВТОРЕ

Щипков Александр Владимирович, российский политический философ.

Ректор Российского православного университета св. Иоанна Богослова.

Профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Доктор политических наук. Кандидат философских наук.

Действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса.

Заместитель Главы Всемирного русского народного собора.

Советник председателя Государственной Думы РФ.

Член Общественной палаты г. Москвы.

Научные монографии: «Христианская демократия в России» (2004), «Традиционализм, либерализм и неонацизм в пространстве актуальной политики» (2015), «Национальная история как общественный договор» (2015), «Социал-традиция» (2017), «Вопросы идеологии» (2018), «Экономика и общество» (2021), «Дискурс ортодоксии» (2021), «Идеология социального традиционализма» (2023).

Книги: «Во что верит Россия» (1998), «Соборный двор» (2002), «Территория Церкви» (2012), «Религиозное измерение журналистики» (2014), «Бронзовый век России. Взгляд из Тарусы» (2015), «До и после политики» (2016), «Прямое высказывание» (2019).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. ПАТРУШЕВ Н. П.	3
ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ	8
ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЙ	30
ГЛАВА 3. ФЕНОМЕН ТОТАЛИТАРНОСТИ	44
ГЛАВА 4. КОЛОНИАЛИСТСКИЙ ГЕНЕЗИС НАЦИЗМА И РАСИЗМА.	56
ГЛАВА 5. ОБЩЕЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ НАЦИЗМА, РАСИЗМА И ЛИБЕРАЛИЗМА: ЕДИНСТВО АКСИОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ	72
ГЛАВА 6. ОБЩЕПРОТЕСТАНТСКИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО КОМПЛЕКСА ПРЕВОСХОДСТВА	87
ГЛАВА 7. АНГЛИЙСКИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО КОМПЛЕКСА ПРЕВОСХОДСТВА	91
ГЛАВА 8. ЭКОНОМИКА НАЦИЗМА И БЛИЗКИХ ЕМУ ИДЕОЛОГИЙ	100
ГЛАВА 9. РОССИЯ И РУССКИЕ В ПЕРИОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ НАЦИЗМА. ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ	111
ГЛАВА 10. НОВЫЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ	122
ОБ АВТОРЕ	132

**РОССИЙСКИЙ
ПРАВОСЛАВНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
СВЯТОГО ИОАННА
БОГОСЛОВА

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СВЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА УЧРЕЖДЁН
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ
(МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА) В 1992 ГОДУ.

В образовательном процессе РПУ св. Иоанна Богослова органично сочетаются традиции русских духовных школ и опыт академического преподавания российских университетов – обучение включает как базовые духовные, так и социально-гуманитарные дисциплины.

Обучение в РПУ св. Иоанна Богослова направлено на подготовку специалистов:
ДЛЯ СИНОДАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ЕПАРХИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (профиль в сфере церковно-государственных отношений или информационных процессов);

ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
(профиль в сфере государственно-конфессиональных отношений).

РПУ св. Иоанна Богослова проводит набор абитуриентов на дневную (очную) форму обучения за счёт средств федерального бюджета по направлениям подготовки:

БАКАЛАВРИАТ

48.03.01 **ТЕОЛОГИЯ**
срок обучения 4 года

МАГИСТРАТУРА

48.04.01 **ТЕОЛОГИЯ**
срок обучения 2 года

- **Лица, получившие полное среднее образование**, принимаются на обучение по программе бакалавриата по результатам ЕГЭ; лица, получившие среднее профессиональное образование, принимаются на обучение по результатам вступительных испытаний, проводимых в университете.
- **Лица, имеющие высшее образование**, принимаются на обучение по программе магистратуры по результатам вступительных испытаний, проводимых в университете.

ПО ОКОНЧАНИИ ОБУЧЕНИЯ ВЫДАЁТСЯ
ДИПЛОМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗЦА

АДРЕС:
127473, МОСКВА,
ПЕР. ЧЕРНЫШЕВСКОГО, Д. 11А, СТР. 1
ТЕЛЕФОН: +7 495 431 03 03 САЙТ: RPUSIB.RU

СПАС
ТЕЛЕКАНАЛ

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА

Научное издание

ЩИПКОВ А. В.

НЕЗАВЕРШЁННЫЙ НАЦИЗМ

**ГЕНЕЗИС, ТРАНСФОРМАЦИИ И РОДСТВЕННЫЕ
ЯВЛЕНИЯ**

Редактор

Н. Колесникова

Верстка

С. Хидоятов

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РПУ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА

Подписано в печать 09.09.2023
Формат 60х90 / 16. Усл. печ. л. 8,5
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6049786-3-4

9 785604 978634

Книга Александра Владимировича Щипкова «Незавершённый нацизм» открывает очередной этап в обсуждении темы нацизма — пагубного античеловеческого явления, растаптывающего все моральные, духовные и нравственные устои.

Автор сравнивает нацизм XX и XXI веков, его гитлеровский вариант с современным неонацизмом, культивируемым Вашингтоном и Лондоном. Такое сопоставление актуально в наши дни, когда Запад вступил в новую фазу противостояния с Россией. Англосаксы бесцеремонно навязывают неонацистскую идеологию европейцам, стремясь достичь своей стратегической цели — расчленив нашу страну, уничтожить Русский мир и истребить народы, населяющие Россию.

В книге рассматривается роль колониализма в становлении нацистско-расистской идеологии. Для оправдания глобального неравенства, сохранения однополярного мира атлантисты не пренебрегают идеями расового, этнического, культурного и экономического превосходства, лишая целые народы перспектив независимого социально-экономического и культурно-цивилизационного развития.

Н. П. Патрушев,
*Секретарь Совета Безопасности
Российской Федерации.*